

ИЛЛЯ КОРМИЛЬЦЕВ
ПОЭЗИЯ

Илья Кормильцев

Собрание сочинений.
Том 1. Поэзия

«РИПОЛ Классик»

1974–2007

УДК 82-1
ББК Ш6(2р36)6-335

Кормильцев И. В.

Собрание сочинений. Том 1. Поэзия / И. В. Кормильцев —
«РИПОЛ Классик», 1974–2007

ISBN 978-5-7584-0162-0

В первый том собрания сочинений Ильи Кормильцева (1959–2007) вошел полный корпус поэтических текстов, включая текстовки для известных рок-групп.

УДК 82-1
ББК Ш6(2р36)6-335

ISBN 978-5-7584-0162-0

© Кормильцев И. В., 1974–2007
© РИПОЛ Классик, 1974–2007

Содержание

Дмитрий Быков. Не в Перу	9
1	9
2	11
3	13
Saint Thomas (2006–2007)	14
Поминки	14
«Мир – это больница для ангелов...»	15
«City of copters cruising in dragonfy skies...»	16
Saint Thomas I	17
Лето огнедышащее (1974–1980)	18
«Пусть в нашей северной стране...»	18
«сытые удавы мохеровых шарфов...»	19
«О, сколько их в тумане ходит...»	20
Палитра	21
«Если это необходимо...»	22
Три сна	23
«И сны разрешаются – в то...»	29
«Огни фильтруются, фильтруются сквозь штору...»	30
«Приходит миг...»	31
Часы, похожие на луковицу глаза	32
«Неумение петь похоже на морскую медузу...»	33
Чекасин	34
Воспитание рук	35
Блюз	36
«Сделайте мне комнату...»	38
Ессе Ното	39
«Мой пупок – это фикция. Еще не разрезана...»	40
«Сон и розы, волнующе-яркий муслин...»	41
Шарлатаны	42
Теплый день	44
«колокольчики вечера впились в улыбку...»	45
Возвращение добродетели	46
Завтрак на траве	48
«Арго, развевай паруса тополей!..»	49
Вероника	50
«Где, тополиный пух, твоя судьба?...»	52
В трех стенах	53
Лето огнедышащее	56
Стихи для огненнокрылого пса	58
Возвращение	60
Косари	62
У сельской дороги	63
«В этом безмолвном пруду ослепленной Земли...»	64
Молчаливый соловей	65
У зеркала вод	66
Пловец	68

Ложе	70
«О эльфы! Лица, стиснутые рамками...»	71
Дом палача	73
«Просыпаясь между двух тел...»	74
«Здравствуй, то, что за закрытой дверью...»	75
«Это еще не ненависть: так, лишь вспыхнула спичка...»	76
Поминки по упоению	77
Ад воров	78
«Бессонны очи пустоты...»	80
«По водам призрак снова вынудит ступать...»	81
Потоп	82
Второй потоп	83
«Эту старую кожу, местами порванную...»	84
«Я возвращался домой по улице темной...»	85
Предел	86
«Дети Больше и дети Лучше! дети, вспомните...»	88
Кривь и кось	89
«Телефонный номер Бога...»	90
«Рано или поздно ты обнаружишь...»	91
Магнитная любовь	92
Измена	94
Чеснок	95
«По переулку, по переулку...»	96
Ангелы в форточке	98
i.	98
ii.	98
iii.	98
iv.	99
v.	100
vi.	100
vii.	101
viii.	102
«Кто ест пюре из яблок...»	103
А она говорит	105
На старой бойне	106
Бижутерный дождь	107
«Звезда Печали! Знаки Зодиака...»	109
Астрологическая трагедия	110
«Когда мы утонем в холоде...»	112
«Земля зимой – огромный белый заяц...»	114
«Ты – переписчик мой, небрежною лакуной...»	115
Прикосновение к запястью	116
Засохшие деревья январских ночей	118
«Лето набирает номер 03...»	120
Физиология звукозаписи (1980–1991)	121
«Я не знаю, где была эта улица...»	121
Движение к оцепенению	122
Пожиратель	123
Путешествие	124

Шумящий мир	125
Последний день воды	126
Кукла	127
Живые и мертвые	128
451 °F	129
Мир на стене	130
Лишняя деталь	132
Человек наподобие ветра	133
Ното Supregior	134
Призрачный гость	135
Мышь	136
Актер в черно-белой ленте	137
Ты слишком неподвижен	138
Пропась	139
Тупик	140
Автомобиль без управления	141
Размышления компьютера о любви	142
Другая сторона холма	143
Чего это стоило мне	144
Мегаломания	145
Контакт	146
Музей мадам Тюссо	147
Гнилое золото	149
Соблюдай дистанцию!	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Илья Кормильцев

Собрание сочинений. Том 1. Поэзия

© Кормильцев И. В. (наследники), тексты, 1974–2007

© Авторы статей и комментариев, 2017

© Кабинетный ученый, 2017

* * *

Илья Кормильцев. 1985 г. Фото Дмитрия Константинова

Дмитрий Быков. Не в Перу

1

Есть особый разряд людей, не обязательно художников, произведших над собой мучительную операцию – перешедших в иной класс, новую социальную группу или просто на следующую эволюционную ступень. Эволюция, если не рассматривать ее в чересчур буквальном биологическом смысле, иногда делает резкий скачок на протяжении жизни одного поколения, просто способны на этот скачок оказываются не все. Знаменитый вопрос о том, что было сначала – курица или яйцо, не имеет строгого ответа, или, верней, ответ этот за пределами предлагаемых вариантов. Сначала было то предкуриное существо, которое выползло из воды, посмотрело на себя в ручей и запело: «Где-е-е твои крылья, где-е-е твои крылья?!» Оно сделало над собой усилие и обросло перьями, потом снесло яйцо, а уж из этого яйца появилась полноценная курица. Эволюционистов просят не беспокоиться. Эта метафора не претендует на научность.

Вот есть такие люди, которые довольно рано, в первые годы молодости или – реже – зрелости, избавились от обычных поколенческих иллюзий, перестали следовать интеллектуальным модам, вырвались из контекста и резко шагнули за пределы человеческого. Я разумею, конечно, не примитивное расчеловечивание, которое обычно выражается в забвении приличий и культе животных удовольствий (его тоже часто называют сверхчеловечностью – так Гитлер отличается от Ницше), – а именно отказ от «слишком человеческого», движение вверх, прыжок на следующую ступень. Такие рывки обычно происходят не то чтобы массово, но и не сказать, чтобы совсем в одиночку. Всегда можно назвать несколько таких людей, выросших, как правило, в одном ареале и сходных условиях; с географией тут вообще сложно, никогда не поймешь, почему один регион вдруг дает целую плеяду. Может быть, действительно пучок гумилевских космических лучей упал, но это объяснение слишком похоже на грезу самодельного мыслителя на пенсии, читателя журнала «Наука и жизнь» семидесятых годов. Как бы то ни было, Свердловск семидесятых-восемидесятых годов (и в целом Урал) породил сразу нескольких людей, сделавших такой скачок. Наиболее заметны Кормильцев и Балабанов, которые хорошо друг друга знали, но не дружили, потому что дружеские чувства и обычные человеческие эмоции людям следующей эволюционной ступени вообще мало свойственны. Обычно они умирают между сорока и пятьюдесятью, как Шукшин. И умирали они от странных, редких болезней: рак позвоночника, как Кормильцев, или рак сердца, как Курехин, чья эволюция с кормильцевской очень сходна. Кстати, общая черта: эти люди в первой своей, человеческой жизни достигали профессионального совершенства – после чего заниматься первой профессией им становилось неинтересно. Курехин был гениальным пианистом («самые быстрые пальцы мира»), Кормильцев – первоклассным переводчиком и знаменитым поэтом. Курехину было неинтересно только играть, Кормильцев все реже писал стихи и увлекался по-настоящему только своим издательством. Закрыли издательство, а через полгода он умер в Лондоне.

Впрочем, я предпочитаю думать, что Кормильцев не умер, а улетел в Перу и теперь живет там. Он всегда этого хотел, говорил, что лучший алкалоид – листья коки, они не изменяют сознание, а снимают страх. На похоронах в гробу лежала какая-то желтая кукла, небрежно сделанная, совершенно на Кормильцева не похожая. И многие переглядывались таинственно, слишком таинственно. Я не был в эту тайну посвящен, меня, видимо, не сочли достойным. Эта мысль ужасна, но все-таки менее ужасна, чем смерть Кормильцева. Поэтому

я и до сих пор думаю, что он там и что мы с ним там увидимся. Я ведь по его совету тоже стал ездить в Перу и снимать там страх, который, впрочем, и так ослабел с годами.

2

Кормильцев был великим поэтом – если принимать это как термин, без придыхания и пафоса: великим поэтом называется тот, чьи слова ушли в народ, разошлись на цитаты и стали обозначать новые состояния, для которых раньше не было термина. Это могут быть принципиально новые состояния, которые появились вследствие технических или медикamentозных новшеств, а могут быть эмоции, которых раньше не замечали. Скажем, «Такое ощущение, словно мы собираем машину, которая всех нас раздавит», – ощущение человека специфической переломной эпохи, но переломные эпохи бывали и до Кормильцева, а формулы такой до него не было. Подчеркиваю: говоря о цитатах, ушедших в народ, я не имею в виду газетные заголовки, лозунги, иные формы внедрения поэтического слова в массы. Но Маяковский и Окуджава, например, все равно великие поэты, хотя тысячи статей назывались словами «Читайте, завидуйте: я гражданин...» или «Каждый пишет, как он дышит». Кормильцев внедрялся в массы с помощью русского рока, который на рубеже девяностых звучал отовсюду – ни до, ни после перестройки он не знал такой славы; но дело не в интенсивности внедрения, а в убийственной точности мгновенно запоминающихся формул, в которых парадоксальность сочеталась с очевидностью. Поэзия, в общем, это и есть внезапная формулировка очевидного, когда один высказал то, что знали все.

Кормильцев изначально не был рок-поэтом, просто рок подвернулся вовремя, чтобы растиражировать его открытия и, шире, его манеру. Алексей Дидуров часто повторял, что особенность русского рока – преимущественное внимание к слову. Это и так, и не так: не ко всякому слову. Рок отразил именно этот слом, восторг и негодование нового существа, которое ощутило себя не совсем человеком, от одних отстало, к другим не пристало и теперь тоскует, мучается в одиночестве, страдает от мнительности, ненавидит всех – но однако располагает новыми, невиданными возможностями и начинает осторожно ими пользоваться. Это мироощущение во многом подростковое, когда ты внезапно рвешь с родителями, неуютно чувствуешь себя в любимом прежде доме, зато можешь пить, курить и все такое прочее. Кормильцеву в начале восьмидесятых, задолго еще до краха СССР, открылась относительность и узость многих понятий, он понял всю спекулятивность любой морали и всю ограниченность любой идеологии, ему многое стало понятно про человека, он стал интересоваться только крайностями, консервативными или анархическими, неважно; трагизм и пошлость человеческой участи, увиденной с порядочной дистанции, стали его главными темами. Писать обо всем этом в рифму, традиционным стихом, было невозможно, конечно. И тут подвернулся свердловский рок, для которого главными доминантами были те же трагизм и пошлость (причем и в самом этом роке хватало как пошлого, так и трагического).

Интересно, кстати, что в Ленинграде Кормильцев не прижился. Он интуитивно туда потянулся в семидесятые, проучился год и перевелся назад в УрГУ. То есть он сделал по молодости лет распространенную ошибку – поехал в столицу советского нонконформизма и вообще всяческой альтернативы, но быстро сообразил, что ему туда не надо. Почему? Вот Башлачев, например, поехал туда и там погиб. «Наутилус» посвятил питерскому року песню «Синоптики», восторженную, но и дистанцированную; дело, по-моему, вот в чем. Во-первых, питерские допускали к себе крайне неохотно, отгораживаясь северным снобизмом, культурностью и абсурдистскими насмешечками. Во-вторых, когда тебя все же допускали в эту прекрасную северную страну с ее сквотами, мансардами, культом Толкиена или Боба Дилана, хармсовским юмором и насмешливым сексом, – ты вдруг убеждался, что ничего особенного там не было; что культура не только парашют, но в каком-то смысле и тормоз. Что питерские, высокомерно поглядывая на провинциалов, пьют, но не спиваются, играют,

но не заигрываются, – и вообще в какой-то момент успевают удержаться от полной гибели всерьез. (Балабанов переехал – но не удержался). Конечно, слишком демонстративная саморастрата, надрыв, разрывание струн с забрызгиванием кровью всех присутствующих – это некультурно и в каком-то смысле моветонно; но ведь надрыв необязателен. В Кормильцеве не было надрыва. Но серьезность была, и он сказал мне однажды, что «пришло время архаики как поиска новой серьезности». Архаика, конечно, его увлекала лишь эстетически, как одна из возможностей, – он интересовался разными путями и не заикливался ни на чем, – но серьезен он был, и потому питерский рок для него чересчур поверхностен. И для «Наутилуса» переезд оказался неблагоприятен.

3

Разбирать стихи Кормильцева бессмысленно – они как раз довольно просты, в том и дело, что простые вещи приходят в голову немногим, не боящимся видеть, как устроен мир. Интересно, что эти стихи сами по себе не нуждаются в музыке, но музыка высвобождает нечто, в них имеющееся, но не самое очевидное. Это постоянная тихая печаль, скорбь души, которая улетела от своих и пока еще (пока, условно говоря, живет здесь) не прибилась к чужим, настоящим, будущим. Поэтому чаще всего песни Кормильцева поются на минорные, даже заунывные, даже элегические мотивы. Подспудная тема Кормильцева – это скорбь его действительно прекрасной души по поводу тех ужасных, нечеловеческих вещей, которые он видел и предвидел. Вогульские духи предсказывают мальчику, что скоро они вернутся в этот мир – потому, собственно, что этого мира не останется, – но им-то не жалко, а ему жалко. Вот, кстати, и ответ на вопрос, зачем Кормильцеву архаика, язычество, ислам, которым он интересовался в конце жизни: это оптимальный способ разрушения этого мира, измельчавшего, зашедшего не туда, но всерьез верить в эти архаические ценности так же несерьезно, как обожествлять, допустим, кувалду. И вот эта несколько занудная, слезная печаль действительно очень хорошего человека (а Кормильцев, при всей своей упертости и невыносимости, был и добр, и даже сентиментален) – выходит наружу в музыке «Я хочу быть с тобой» или «Занозы».

В поэзии Кормильцева много рефренов, повторов, что и делает ее столь песенной, – но это ведь потому, что рефрен вообще имеет в стихах, так сказать, хронологическую функцию. Он остается неизменным именно для того, чтобы показать, как изменились обстоятельства, как много времени прошло и насколько по-другому он теперь звучит. А иногда этот повтор подчеркивает, до чего все в мире повторяется – и как хочется уйти наконец туда, где нет этого навязчивого циклического повтора.

Отличаются ли песни Кормильцева от его стихов? Вероятно, да: он сам сознавал эту разницу. Я бы рискнул сказать, что у них разная лирическая тема. Песни Кормильцева разомкнуты вовне, экстравертны, они о том, что он видел вокруг, что его мучило и бесило. Стихи гораздо эзотеричней, закрытей, и они о том, что он видел в себе.

И, может быть, это к лучшему, что Кормильцев сейчас там, где его не мучает больше «Заноза». Он теперь там, откуда эта заноза прилетела.

Если, конечно, он не в Перу.

Москва, 2017

Saint Thomas (2006–2007)

Поминки

представь себе,
что ты умер
и оказалось,
что это совсем не больно,
напротив –
кайф такой же,
как от черного
марокканского гашиша,
только в тысячу раз
круче

и вдруг какие-то сволочи –
то ли соседи, то ли менты,
то ли водопроводчики –
начинают ломиться в двери,
требуют немедленно открыть,
выкрикивают твое имя

ты прислушиваешься и понимаешь,
что это – друзья и родственники,
и думаешь:
«господи, какой же мудак
придумал
эти поминки!»

2006

«Мир – это больница для ангелов...»

мир – это больница для ангелов,
которые разучились летать
и позабыли дорогу на небо,
свалившись с лестницы,
как героини латиноамериканских сериалов
их можно легко опознать по увечной походке,
по стыдливym взглядам,
опущенным в кружки с кофе,
по тому, что, даже одетые в хорошие костюмы,
они всегда чем-то неуловимо
смахивают на бомжей
и с каждым днем они все меньше и меньше
верят в свое исцеление
все реже и реже пытаются украдкой взглянуть
вверх...
а не дай Бог еще и выздоровеешь?
и что там тогда делать, на этом небе?
все дети пристроены, все внуки здесь
и вообще – кто мне сказал,
что я когда-то был ангелом?
и вот, посреди подобных размышлений
плечи их неожиданно раскрываются,
стыд покидает глаза,
а тела медленно растворяются в воздухе
вместе с кустами азалий,
бутоны которых ангелы только что
задумчиво сшибали концами тросточек

2007

«City of copters cruising in dragonfy skies...»

city of copters cruising in dragonfy skies
summits of pyramids topped with cyclopic eyes
square miles of masonic lies
place of René Magritte lookalikes...

2007

Saint Thomas I

Больные ангелы выглядят довольно жалко.
Ходят как-то наперекосяк –
видно, без крыльев им явно трудно соблюдать
равновесие.
Нелепый пух на голове – словно их
ощипали охотники.
Один, похоже, совсем выжил из ума –
орет по ночам «Mind the gap! Mind the gap!» –
видно, работал когда-то в молодости
диспетчером по станции.

Иногда смотрят печально наверх – и
тут же опускают глаза в чашку
больничного кофе.
Чтобы выбраться, надо научиться летать
обратно – а где взять силы?

2007

Лето огнедышащее (1974–1980)

«Пусть в нашей северной стране...»

Пусть в нашей северной стране
ночь расцветает ненадолго
и листья скошенной травы гниют в воде,
не высыхая никогда.
Пусть не в клоаке карнавала ломают стебель
и не так, как юг чесночный;
а сопровождая
тоскливой флейтой раскаянья
свою весеннюю игру –
иные силы и иные
цветы растут на темной почве страсти,
иные, чем снотворный Мак.
И сладкий гной в коробочках соплодий
для опытного знахаря растет,
для опытного знахаря, который
совою лупоглазой умудрен
и знает, как от малой капли яда
под кожей загорается румянец.
В пещере, где пучками белены
щетинятся веревки,
на огне поспело варево из нашего сомненья...
сплетенных стеблей простоты желанья
и скрюченных ветвей обоснованья –
лиан, растущих в нашей северной стране.

«сытые удавы мохеровых шарфов...»

сытые удавы мохеровых шарфов
душат гладко гильотинированные шеи.

итак, мы свидетельствуем великолепную казнь.

мы много прошли по воде, по земле и по воздуху,
и камни, и сталь разъедая слезами.

зеленоглазый мартовский вечер когтистой лапкой
играет с шуршащими мертвыми оттаявшими мышами.
мы сквозь зеркала проходили, чтобы пить с отражением спирт.

итак, мы любили, но больше ласкали себя
надеждой, что любим, и верой, что будем любить.

итак, мы шли независимо, закрывая глаза
на овчарок косматых, что гнали покорное стадо.

и мы отзывались резко и дерзко о Руке, Которая Кормит.

мы жили в мире и в мире мечтали почить,
но с четверга на пятницу нам регулярно снилась война.

мы что-то предчувствовали, но предпочитали
играть, потому что наш мозг был лишен
сухожилий и мускулов.

голосуя машинам, мы мысленно верили в то,
что мы покидаем увядшую зону, навек уезжаем —
но мы истерически мчались по внутренней
гладкой поверхности прочного шара.

«О, сколько их в тумане ходит...»

о, сколько их в тумане ходит
в прозрачный майский день,
когда порою самый воздух
невидим,
позволяя рассмотреть край ойкумены

о камни старости боятся
споткнуться
и, глаза вниз опустив,
идут
и лбами налетают на юности преграды

их волосы застыли в эйфории,
общаясь с ветром,
налетев на них,
терзают их ногтями гарпии сомнений

стряхнув с себя чужую плоть, идут,
затем, родную плоть стряхнув с костей, идут,
затем идут,
оставив кости

уже не видно их,
но сгустки теплоты
мне говорят об их движении

Палитра

Грустно. Медленно. Тихо.
Смешал голубое с серым.
И это назвал восходом.
Так ему захотелось...
Нервно и торопливо.
Кисть горела от боли.
Бросил в синее сливок.
Море...

Нежно и осторожно.
Музыка и смуглый колер.
И понял – это женщина,
и быть не могла другою.
Черные бусины клеил
в яркую-яркую охру.
И это назвал собакой.
Успокоенным вздохом.

Хотел сделать шаг – не смог.
И нарисовал песок.
И вместе с любимой вдоль моря
пошел к восходу.
Бежала сзади собака.
Такой сделал Землю Художник.
Все прочее сделали люди.

«Если это необходимо...»

если это необходимо –
то пусть будет так!
пусть радиация сшивает мелкой стежкой
разорванного воздуха лоскутья
и стен бетон – в потеках смолянистого стекла
пусть неба вывернут чулок дырявый,
и ось Земли завязана узлом
и то, что было плотью,
в которую мы погружали плоть,
в распаде гнилом
прорвется пузырем
пусть будет так –
но при условии, что шлаки
великой плавки
образуют Красоту,
предельнее которой не бывать,
и кто последним будет умирать,
напишет ручейком из вен на камне:
«Эксперимент закончен, о Творец,
колония мышей твоих
погибла,
но потрясающий величи́ем Результат
ты можешь видеть, слышать, осязать».

Три сна

1. Ничейная земля
Здесь я занимаю круговую оборону –
на ничейной земле;
вырываю кольцо из взрывателя одуванчика.
У меня четырнадцать глаз
(на каждый сектор обстрела);
я весь соткан из указательных пальцев
на спусковых крючках.

Запах бодрого кваса,
запах бодрого риса,
запах бодрого виски –
я их разгоняю – мои автоматы
строчат дезодорантами.

Слова на излете свистят, рикошетят:
ах, малые дети! их мягкое мясо
пробито навывлет словами
из беспокойного пистолета...

Я принципиально отчаян. Мое удовольствие в том,
что ярость распределяется равномерно:
смерть равномерно я сею.

Да, потом представления к награждению
ярлыками различной степени.
Да, потом, к сожалению, огорчения, что
он был слеп, этот мертвый воин:
не выбрал из клубка гадюк,
гадюк подобнее.
Не заметил движущей силы осла,
вращающего колесо арыка.

Но этот пустынный песок
в окопе моем
течет на дно – великая армия
безвременно погибших песчинок,
скрип на зубах.

Черные пузыри лопаются, оставляя оспины.
И с пением сугубо национальных хоралов
голому мертвому воину несут
гробы различных достоинств
с различным престижем.
Когда он лопает кашу из котелка

(Усилия бесполезны; вареная крупа
снова вываливается через рану
пониже пупка);
когда он лопает кашу гнилую из котелка
(перемирие пищеварения),
к нему приезжает на белой свинье
с бантиком на хвостике витом –
– на свинье приезжает
старая немытая белобрысая шлюха
по имени Веритас и говорит:
«Зови меня Верой!»

А дальше она молчит.
Она считает за благо молчать.
Что бы она ни сказала: на благо одному,
во вред другому.

А иногда она мычит, и это мычание
почитают за доказательство ее существования.
А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я закрою глаза с одной стороны фронта,
принесут ли мне:
говорящего попугая,
плачущего ребенка,
родинку у верхней губы?»
Веритас падает в вино, вытекшее из жил воина,
и кричит как вампир...

А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я прекращу огонь с одной стороны фронта,
принесут ли мне:
положение в стране,
бассейн с золотыми рыбками
высокогрудыми,
уверенность в завтрашнем дне?»

Веритас смотрится в зеркало, вытекшее
из жил воина,
и думает, что она существует, раз у нее есть имя...

А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я брошу оружие в горячий песок,
положат ли меня:
на брачное ложе?
в землю?
Если я прекращу огонь с обеих сторон фронта,
прекратят ли меня убивать?»

И тут мертвый голый воин просыпается и видит,

что умер на горячем песке пляжа,
говорил с бабочкой, раздавленной его
сонной рукой,
смотрел на разноцветные боевые флаги
цветущего луга:
в каждый из флагов было завернуто алмазное тело
женщины с ликом, в который глядели великие
мира сего,
женщины, убитой пулями,
прилетевшими одновременно
с разных сторон.

И тут мертвый голый воин встает,
подбирает свои разбросанные кости,
бутылку с пивом, и удаляется с ничейной земли,
где он вел свои трудные бои
с продажной женщиной,
не поддающейся изнасилованию,
носящей гордое несуществующее имя
Веритас.

2. Жизнь на чердаках
Выстрел из базуки отнял жизнь
у человека, который никогда не жил,
хотя и носил черные очки,
и любил тискать девиц из кордебалета
— и вот я скрываюсь на чердаке.

Нахожу свой приют в монастыре,
где строгий устав запрещает умеренность,
где сигареты не случайно пахнут, как поле
горящей травы.
Мы ловим голубей и их едим,
питаюсь образом таким
одним лишь духом святым.
На крыше флюгер, ученик Кратила,
указывает в рай, назвать его не в силах.

Под крышей крысы, раздирая пищу,
пищат и адским жаром, огненные, пышут.

А крышу лысую уютно чешет ветерок,
чтоб сонный бес задуматься не мог.

и мы в мозгу его живем, как черви
и мозг его живьем едим и верим,
безумно верим в то,
что мы когда-нибудь умрем.

Пять женщин в ослепительных лохмотьях
нам помогают разделить поочередно
все страхи ночи,
воющей в платок.

Они поют:
ПЕСНЯ ЖЕНЩИН С НЕМЫТЫМИ
И СПУТАННЫМИ ВОЛОСАМИ

У тела есть пределы,
У жажды тела – нет
Какое телу дело:
Темень или свет,
17 или 40
И был ли дан обет?

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

У духа нет пределов,
У жажды духа – есть:
У духа мало брюхо,
Хотя велика спесь.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

ПЕСНЯ МУЖЧИН С МОРЩИНАМИ
НА МОЗГУ ВМЕСТО ИЗВИЛИН

Медленно переваривает себя
тело – плотьядная змея.

Медленно переваривается сам в себе
дух, принесенный в жертву змее.

Все чаще изменяют силы,
как бы это тебя ни бесило.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

Медленно подступает страх,
все реже шевелится в штанах.

Медленно наступает сон,
и никогда не кончится он.

Все ближе подступает грохот,
перерастающий в хохот.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

Нас будят пулями, не в силах приподнять
словами,
и мы проснемся с алой раной в груди:
мы были ложью, вставшей на пути
у горькой Истины, с него не чаявшей сойти
и певшей нашим Женщинам о том,
что вождельня не добавят нам бессмертья.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

3. Гуру поучающий
И третий сон на третий день был сотворен
и третий стон, сильнее прежних, вырвал он.

На золотом холме,
глядевшем на поля,
стоял барак, и окна в нем без стекол.
Застыл, выслеживая мышь, чеканный сокол
на меди листовой оплавленных небес.

Неподалеку, около дверей,
ждал молчаливо бронетранспортер,
Был час заката.
Рванный небосклон был тучами залатан.

В бараке, на столах, в свободных позах
сидели юные мужчины в черной коже
и женщины, а старую бумагу
катал сквозняк своей простудной лапой.
И все спокойно слушали гуру.

«Взгляните на грецкий орех.
Приняв форму головного мозга,
он не стал разумнее, и память его не кричит,
пережевываемая зубами.
Обратите взор на себя,
приближающихся ко всемогуществу:
принимая форму высшего, вы далеки от Атмана,
как и прежде.

Но вне вашей воли составляете часть того,
с чем не имеете ничего общего.

Сохраните это равновесие,
не ища новых выходов к старой пропасти.
Слишком много жертв пало
сражаясь в лабиринте,
защищая подступы

к одному и тому же выходу».

«И сны разрешаются – в то...»

И сны разрешаются – в то,
что было ими создано.

И одинокий выстрел падает
замерзшим воробьем на лету.

Это было плохим портвейном,
или северным ветром,
или углом подушки, уткнувшимся
в подбородок.

И побоями, и ласками.
Перфокартой неизбежной программы,
осознанной машиной.

В крике освобождения,
спугнувшем тараканов
крике освобождения...

«Огни фильтруются, фильтруются сквозь штору...»

огни фильтруются, фильтруются сквозь штору

ты свободен – поверить не можешь – свободен,
потому что все цепи все ядра,
потому что все тронута и на запястьях отбито,
потому что все было

ночь вечерняя – прозрачную плиткой вымощен воздух
кто отчаялся жить, потому что
неопределенность,
потому что над страной
сопли идиота переплетаются на ветру –
тебя празднуют

ночь утренняя, ох боюсь тебя, голая,
неприкаянная, под одеяло рвешься отчаянно,
нарумяненная пылью
ночь утренняя настигающая,
напудренная, постигающая
до дна мерзости
колодец

не рассматривай пальцы
свечи без пламени
не возгорятся
в этих руках дело не запылает
одинок и холоден
ты, брат мой

но хоть свободен,
пока что свободен,
ненадолго свободен

мыслящий индивидуум

«Приходит миг...»

приходит миг

струны воздуха сладкую песню поют
вином сапфировым воздух наполнен

босые ноги топчут брызжущие звезды

мозг подобно дрожжам раздувает наш воздух,
предвещая пагубу зноя для ледышек в бокале вина

и вот

клетки комнат неудержимо лопаются,
и мы выплескиваемся из одиночества

Часы, похожие на луковицу глаза

Братья и сестры! Градовая туча яблоневого сада
Слишком огромна, чтобы в ней отыскать
Дерево, под которым мы были зачаты.

Гулякам с перебродившими флягами фруктов
Каждая яблоня кажется домом,
Каждое дерево – местом рожденья.

Не к миру я призываю обретших оплот
У разных деревьев, у разных религий и вер –
Ведь не мира мы ищем...

Но если в нашей борьбе проливается кровь –
Пусть красиво прольется она,
Как волосы на свадебную кровать.

Поскольку нельзя нашим детям оставить
Восковые фигуры уродства!
И если есть мертвые в нашей войне –
Пусть в глазницах у них аметисты сверкают,
И алмазы – их пот на висках.

Только в красоте нашей смерти на вечно неправой войне
Залог нашего возвращения к корню
Прадерева цивилизации.

И если часы, похожие на луковицу глаза,
Неумолимо двигают стрелки к моменту исчезновения нашего –
Пусть оно будет подобно вознесению Илии –

В искрах и фейерверке
вечно горящего
Разума человечества.

«Неумение петь похоже на морскую медузу...»

неумение петь похоже на морскую медузу:
концентрат жгучей силы в слизи бессильной
неумение петь зажимает нам рот,
полузаглоченное в гортань,
расцветает у нас на пальцах
и уже проникло в наши песни
и в смуглые животы наших женщин

неумение петь делает грубой нашу улыбку:
подобие дынного ломтика в блюде лица
неумение петь в этот век —
неуменье запеть:
Нет! Петь мы умеем —
чистота ладоней плюща
высыпает в лоток наши улицы и одежду
и приподнимает ветер над землей
на сосках Королевы Танца!

И очистит все дождь!
Только что в капле был человек,
высокий, мрачный, бородатый, перевернуто отраженный
но капля упала, и он исчез:
Человек, Который Растворился

Чекасин

он пьет клюквенный морс,
он принимает аспирин,
он сбивает лихорадку
снегом вместо перин
его душа – это лев
на пылающей крыше
он дует каждый вечер в раскаленную медь
он не может обжечься, он не может сгореть –
его температура значительно выше

Воспитание рук

огромные неистовые руки свесив
из прорези окна, ты загребаешь
цветастый хлам секунд в свой музыкальный ящик
там музыка от стенки к стенке бродит
с огромным круглым животом,
и плачет, и тоскует

а ты сгребаешь время под себя
и падаешь в слезах на время
и высидеть теплом своим мечтаешь
птенцов крикливых синей птицы

а иногда ты вместе с ней лежишь на этой груди,
пытаясь оплодотворить секунды
но только пыль – ответ твоим усилиям,
и все возможное богатство умирает
под тяжким грузом неразгаданных часов
и ностальгия под слезами размокает,
как хлеба кус, забытый под дождем

но времена воспитывают руки:
они хватают лишь понятные секунды,
в ее глаза глядишь ты с сожаленьем,
а жизнь идет – с тобой и без тебя

и розовый фонтан хватает вязь секунд, разбрасывает
всем свой рот жемчужный
и за окном тюремной камеры души
свершает чудо – то, что ты не смог свершить,
вдыхая запахи колосьев и колен

Блюз

липкие пальцы
скользнули по трепетной грани
меж музыкой и молчаньем
и балансируют, работая без сетки

под стеклянным колпаком
начинаются вечерние жалобы
на недоступную прозрачность
кандалы избитых аккордов
влачатся по дороге,
вымощенной благими намерениями

ведро воды
летит в бесконечный колодец,
приближаясь к холодной душе
там на дне
по старой железнодорожной насыпи
со снятыми рельсами,
раздвигая улыбками сумерки,
идут под кедрами
незаметные привидения
кристальный мотив
валяется в этой пыли

этот странный блюз
горькой сигареты
подобен томительному ожиданию
ответа на апелляцию
нечего ждать –
достаточно представить
мужчину и женщину
в комнате,
где радужная полоска
томительно застыла
на пластмассовом диске,
непокорная мотору проигрывателя
липкие пальцы,
путаясь в хитросплетениях струн,
выводят душу к ивам, смотрящимся в реку
первую росу
осмелишься ли нарушить
мыслями о любви?
господствует блюз, липкие пальцы
скользнули по трепетной грани
меж музыкой и молчанием

«Сделайте мне комнату...»

Сделайте мне комнату,
безобразную и кривую,
холодную, нетопленную, нежилую.

Вас поблагодарю я.

Дайте мне сделать спутницей
грязную, похотливую,
глупую, недостойную и нетерпеливую.

Стану я лишь счастливее.

Дайте мне сделать фатумом
горькое, искореженное,
вечно неблагоклонное, каждый час тревожное.

Вам ведь это несложно, а?

Потом вы, конечно, спросите:
«Зачем ты с таким усердием
молил у нас это месиво, это крошево?» –

Вы отдали мне задешево
Знак бессмертия.

Ессе Homo

Найди и выбери нечто яростное.
В клетку не запирай. Подвергайся его укусам.
И плечи и грудь подставь.
Вырабатывай иммунитет.
И отдайся, позволь попать самое себя.
И в утробе ярости перевоплотись,
движимый ей даже в неподвижности сна –
воздавай великую дань ярости
и шепчи ей: «Праведна. Праведна. Праведна».

О, как она тебя будет бить и метать!
Куда не закинет! Терпи и надейся.
Пока указующие взгляды не обратятся к тебе:
– Смотрите, вот он грядет со своей яростью!
– Смотрите, вот он идет!
– Ессе homo.

«Мой пупок – это фикция. Еще не разрезана...»

Мой пупок – это фикция. Еще не разрезана
Та пуповина, которая с чревом мира связала меня,
Хотя готов уже пепел, чтобы присыпать разрез
(как это делают эскимосы).

Я еще не рожден (опасаюсь, что мне
никогда не родиться).
В состоянии эмбриональном, ощущая
свои атавизмы,
Я рвусь из чрева века во всю беспредельность,
Но XX век узкобедрым родился.

Как Нью-Йорк моментально без света остался,
И лифты заснули в колодцах, проеденных
в сыре домов,
Так нет электричества в домах моего рассудка.
Труден спуск по пожарной лестнице.

На первый этаж я рвусь, где подъезд
Обещает выход на летнюю улицу,
Поджаренную как картофель.

«Сон и розы, волнующе-яркий муслин...»

Сон и розы, волнующе-яркий муслин.
Ты лежал, источая дурман под ногами,
словно пиво – томящийся солод – никто не открыл.

На шестнадцатый год откровений достигнув,
на семнадцатый их откровенно прокляв,
все постигнув (скорей, ничего не постигнув),
лишь в одно, несомненно, ты верил всегда:
в крюкотворство смешное игры стихотворной.

Бесконечнострунная гитара чернобыльника
плыла вечером под пальцами проворными
голосистого и сладостного ветра:
и смерть постиг ты, не дойдя до смерти,
и паутину на воде кристальной лужи,
закованной в янтарь прозрачной стужей.

И пальцы яростно сжимались возле горла
желанием пересыпать песок
и бесконечно наблюдать его паденье –
как каждая песчинка, убегая,
уносит дактилоскопию теплоты.

Лишь на каких-то волхвов уповая,
бесплодно открывающих твою звезду
в тщедушный телескоп,
ты, тихим вечером безмолвно проплывая,
терновникам и лаврам подставлял свой лоб,
на неизвестных вечности волхвов лишь уповая...
Терновникам и лаврам....
Бесполезно мудрый лоб...

Шарлатаны

Хой, в деревню телега въехала!
Значит, снадобья в ларцах иссякли,
Значит, столбятся лица болезные
У двери фургона, где застиранный какаду
Щиплет перышки на задугу.

Шарлатан Мар-Абу, доктор медицины,
Мандрагору привез и другие *medicinae*:
Яд змеиный и лакрицу,
Корень руты и корицу.
Подгулявшая девица,
Хочешь ты освободиться?
А карга – омолодиться?
Все у нас! Лишь у нас!
И мартышка голубая,
шкура монстра из Китая,
Лакуеху – черный знахарь,
Натуральный папуас!

Это маленькое лэ я слагаю
В пользу шарлатанов –
Усталых работников истинного милосердия,
Везущих в своих фургонах
Истинное освобождение,
Оргиастическое упоение надеждой.

Старый Болонэ! Сейчас на гнутой спине
Колдовского горшка пишется тебе приговор –
Тебе и твоей драгоценной склянке
С *sal mirabilis*.
Нет, не от микробов проистекают болезни,
Не от микробов, которых никто и не видел,
Кроме лиц, кровно в этом заинтересованных,
А от неверия шарлатанам.
Да, пусть это тебе не кажется странным –
мы тоже шарлатаны:
Шарлатанская наша поэзия,
Шарлатанская наша жизнь,
Доверившаяся мыслям и цветам
Там,
Где силу имеют
Лишь амбиции и инвестиции.

И эти юные души,
Слившиеся в единении,

Используя момент
Небрежного отсутствия
Родительской власти,
Верящие в свое всевластие
В сиреновом сиропе города,
Вливающимся густым потоком
В пыльные окна старой квартиры
На центральной улице –
Тоже носят значки нашей тайной службы
На отвороте лацканов тел обнаженных.

О шарлатаны! Шарлатаны!
Целый мир шарлатанов,
Пленных злыми
Циркулем и Весами.

Теплый день

кладбищенские парочки, целуясь,
свивают гнезда около крестов
и вот цветы душистые мостов
овеяли дыханьем стебли улиц

из окон, с языков ковров и простыней,
свисают капли испаренной влаги
зеленою оберточной бумагой
укрыты сучья голые аллеи
покачивая бедрами, плывут
как дым над пламенем курящиеся взоры,
и тело белое расплавленной просфоры
пошло на пищу розовым червям
уток протягивая сквозь основу,
летит на крыльях возгласов судьба,
и ландышевый перьев блеск, слепя,
соединяет и разъединяет снова
бесформенные губы и сердца
в соитиях, проклятиях, буффонаде,
и пеной у пророческого рта
застыла уличная толкотня,
и туча вечера, кончаясь звездным градом,
выталкивает нас на лунный круг,
качающийся на снегу постели,
как в круг перед судом – куда нас занесло?
куда мы, одинокие, летели?

«колокольчики вечера впились в улыбку...»

колокольчики вечера впились в улыбку –
пьют веселую кровь
благовест теплоты
пауки и ветра открывают калитку
вечно я,
вечно ты

тем же самым путем, в ту же старую кожу
возвращаются змеи,
уставши линять
тот, кто скажет: «Брат мой!» – испугает прохожих
никогда и опять

отцветают безумства в политых слезами
обездоненных кадках
и кошкой она –
эта вечнобеременная память
в теле новом всегда повторяет себя

дважды в реку входить твоей плоти и духа,
дважды в ту же
и знать, что не будет иной,
помнить кожу и когти и
(это для слуха)
помнить песни, пропитанные темнотой

где дорога до дома – дорога до Бога,
там любовь расправляет свою простыню
обнимает руками себя одиноко,
каждый час покоряясь,
как снегу,
огню

Возвращение добродетели

Не возвращая музыки, за эту ночь он скрылся –
Должник Геенны огненной
и холодности чемпион.

Легкий ездок на крыльях кожаной куртки,
Фанатик прохладного воздуха –
отрекся ради жаркого дыхания километров
на номерном знаке.

За ржавыми зубами арки
унылая скамейка укрыла
испуганно рыдающих невинных жриц
июньских рос и пыльного двора.

«Мы играли в его присутствии
и видели уйму таинственных знаков
и торжественных откровений:
любое пустейшее слово в прокуренных комнатах
и прогулка и жаркий смех в парке
и откровенное: “Пойдем” –
все благословлялось его смеющейся рукой».

А он, с глазами разноцветными
и задорной молодой бородашкой,
Он никогда не заставит зайти
сердце молоденькой девчушки,
прикинувшись танцем безмолвных секунд
на полыхающей струе
от безжалостного асфальтового веера –

и четверги напозаюют на пятницы
и жизнь сжимается как гармонь,
издавая предсмертный стон,
и вот вчера я упал в снег, пьяный,
но паденье закончилось на соленых скалах июля,
и я не верю, что она – это она,
ибо каждую секунду
она просит называть ее другим именем,
а я знаю не так уж много имен:
Страх, Отчаянье и Блаженство –
вот в этом круге я замкнут;
и я убедился, что завтра –
это остывшее позавчера,
холодные щи в одиночной камере гурмана,
и душа нашего соития тонет,

слепая и новорожденная –
возможно, будущая гроза крыш –
фосфорически-черная кошка,
несчастье, пересекающее дорогу;
и чем больше я стар, тем больше я молод,
и моя любовь питается одной лишь ненавистью,
и я становлюсь равнодушен
к геранькам и домино,
вползая в колготки и подгузники,
и скоро я куплю газету со своим некрологом –

Не возвращая музыку за эту ночь,
Он скрылся, должник Геенны огненной,
Мой дьявол, дух искушения, сеющий ростки добра
На бесплодной почве бездвижной добродетели.
Дух, отрешенный от счастья летать,
но вершащий свой путь по земле.

Завтрак на траве

Ах, буйные наросты тополей,
качавшиеся в гамаке титана,
бросая тень на завтрак на траве!

Мост взвешивал крутые берега,
и водопад струился отовсюду,
скрестив в дуэли струи, словно шпаги.

И вечный, вечный петушиный крик
блестящих глаз испепелял нас на рассвете,
Чтоб на закате вызвать нас опять!

На оргиях, два пальца сунув в рот
и приступая к новой части трапезы,
сатрап отождествлений держал нас за рабов.

Как мальчишки лежали мы на ложе
у сладострастника животных наших жажд
и плакали – не проронив ни слова.

В скотов нас поцелуи обращали,
а водопад вновь извергался, вновь
снимая краски новых гримов.

Но ничего вовек здесь не решалось:
суд спал, стряся с париков крахмал
на тех секретарей, что нам писали
столь протяженный смертный приговор,
что с написанием его мы умирали.

«Арго, развевай паруса тополей!..»

Арго, развевай паруса тополей!
Истрепанные паруса подставь поцелуям ветра.
Мы уходим в Эвксинский Понт –
Навстречу золоту, навстречу смерти.
Нок-реи заготовлены подлинней,
Солонина заготовлена погнилей,
Мачты готовы отдаться Борею,
Мачты готов повалить Борей.

– Старый боцман, пьяный лоцман,
Пыхтят трубчонками над пороховыми бочонками.

Мы будем плыть до первой веранды
С тобой, неизвестное.
На мертвой почве растут олеандры
И кипарисы отвесные.
Мы будем плыть до первой потери,
Пока за борт не свалится слабый,
Пока не разделит братьев вражда
Из-за портовой бабы.

– Старый боцман, пьяный лоцман,
Пыхтят трубчонками над пороховыми бочонками.

Не зная, какво на вид руно, возьмем говно –
Корабль станет ассенизационным обозом –
Но нашим носам давно все равно –
Среди навоза – раздолье розам.
Мы расцелуемся, и на прощанье
Снова, как во времена стародавние,
Любовь покажется неизбывной вовек.
Но когда берега Колхиды скроются утром из вида,
Начнется июльский снег.

Вероника

Плаун, пылящий и поджарый,
Истеган дождевым кнутом,
И сонный лес похож на старый,
Истрепанный, in folio, том.

И ломонос подобострастный
Усов своих рассыпал сеть,
И, значит – время подобралось
Для вероники засинеть.

И, значит, время вновь настало
Нам, глядя в старый водосток,
Вести счет каплям, размышляя:
Зачем ты поднесла платок?

И кто была ты: свежесть сена,
Букет из нераскрытых роз?
Толстуха спелая Пуссена,
От жира падкая до слез?

Красотка с профилем семитским –
Смесь сострадания и греха –
И вожденьем каинитским
Горела добрая рука?

Святой назвал бы и разрушил
Сомнений тяготящий ад,
Но летом дьявольским разбужен
Твой слишком синий грешный взгляд.

И лето открывает двери,
Бросая в холод и знобя,
И я все более уверен
В истолковании тебя.

И о шагах любимых помня,
О лета пышущем огне,
Я все отбрасываю кроме
Одной догадки о тебе.

На память об июльской ночи
Коснулся белый холст лица
И лазуритовые очи
Кричали ужасом конца.

Был запах яростный и дикий.
И ложе. И не нужно слов.
И бились в отдаленье крики
Апостолов и их ослов.

«Где, тополиный пух, твоя судьба?..»

Где, тополиный пух, твоя судьба?

– В могучем древе!

Я, втоптанный в асфальт, дождем прибитый,
на своих ветвях

Рассаживаю голубей Святого Духа,
Лаская ближние частицы пуха!

В трех стенах

Лето набросилось внезапно.
Разбросало по пляжам восхитительную наготу.
Уткнулось косматоголаво в сырой песок.
Созрело. Захотало в сосновом бору.
Наполненное светом, лопнуло,
Как безобразный гнойник.
Брызнуло в глаза. Замутило взгляд.

И только тут я заметил отсутствие себя.

Ты сказал: «И в опрокинутой рюмке остается вино...»
Да, но как его выпить?
В трех стенах разума с выходом, ведущим
к прошлому,
Не может быть влечения,
Не может быть иного состояния, кроме затянутого взгляда
На Я-прежде;

Лето промчалось, ничего не оставив,
Кроме размытого воспоминания о воспоминаниях.

Открытое окно – морщинистые веки стекла
Распахнуты, освежая взор влажным языком
Полночного веяния:
Обсосанные леденцы, облизанные свежестью –
Можем ли мы спросить, можем ли мы осмелиться
Спросить, для чего и как
Надевают на голову Времени черный колпак?
В трех стенах комнаты не видно иного выхода,
Кроме окна, открытого в неизбежность.
Видишь ли, над твоей головой пробегает
Стайка девушек, сморщенных, как
Сухофрукты из компота:
Душ – постель, душ – постель, душ – постель –
И бесконечно их лица повторяются, не повторяясь.
Серпик Луны в четверть фазы
Похож на зеленую завязь:
Каждый день Луна возрастает,
В сочетании с Сатурном давая
Жидкую кровь, меланхолию – и этот день
Покровительствует нечестивцам.

В трех углах кладбища нет иного выхода,
Кроме заросшей вероникой тропинки,
Ведущей в угол нечестивцев:

И желчные листики вероники
Хранят портреты святых нечестивцев,
Похороненных за кладбищенской оградой.
Проржавевшая дорога упирается прямо
В их полузабытые могилы, где только
Высохшие букетики похожи на заботливые веники,
Сметающие пыль с имен нечестивцев.

А лето промчалось, составив список
Представленных к награждению:
Всех вероотступников, с мозгами,
Прикипевшими к крышке черепа,
Всех, менявших одежду гостиниц,
Гостивших в различных постелях –
О лето, тянущее жевательную резинку
Любви среди ивовых зарослей
Пригородного пляжа!
И я не могу остановиться перед рискою
Влажной губы, ощущая ее, как переход
На тенистую сторону лета,
Предводитель нечестивцев, ересиарх,
Отрицающий даже видимое глазами,
Мою любовь, блуждающую,
Касающуюся влажными бедрами бледных кисточек вёха,
С лютиками, приникающими к черному треугольнику лобка,
Идущую, повязав свои волосы красной индейской лентой –
Тебя – прошу! – превратить ее в дятла-желну.

Ибо есть ли выход из трех стен,
Кроме монотонной последовательности ударов,
Кроме коричной трухи, разметанной шлейфом
Под солнечным диском, кроме глянцевого солоноватости
Утренних ягод?

Не повторяясь ни разу в лицах,
Не вспоминая о безысходности,
Разбросаны девушки, сморщенные, как сухофрукты,
По парковым скамейкам, и у каждой – табличка:
«Осторожно, окрашено!»

Этот день дань отдаю я
Церемониалу прогулки:
Задумчиво разглядывая собственную тень,
Как Франциск проповедую сумрачным рыбам
В водопроводе журчащих аллей.
Лето взметнулось на недостижимую высоту
И рухнуло оттуда, разбившись на капельки утешения.
Безумный пленник в ожидании чая!
Сможет ли смертный понять

Всех в тупик заведенных,
Всех в полете одернутых?
Ты взлетаешь, плавно расправляя крылья –
Так, чтобы каждое перышко прополаскивалось встречным
потоком –
Вдруг жилистая ехидная рука хватает тебя за хвостовое
оперенье:
Знакомо ли тебе это ощущение?

Такова жизнь: твоя и моя!

Итак:
Снова ни к чему не пришедший,
Семнадцатилетний огрызок карандаша,
Которым божественная рука
Написала строчки стихов,
Скрежещущий металл не произошедшей катастрофы –
Я –
Обращаюсь к лотерейному аппарату мироздания
С одной из немногих оставшихся просьб.

Лиши меня прошлого,
Пусть стена четвертая встанет,
Превратив мне оставшееся в тюрьму,
Чтобы смог я себя ощутить
Бурым, опаршивевшим медведем
И поднять вверх косматые лапы,
Трясти кандалами в ритме фанданго,
Смешанном с воем.

Ибо лето набросилось слишком внезапно,
Чтобы зима рискнула в это поверить.

Лето огнедышащее

Развенчанный шпиль церкви здесь неподалеку
Зовет к общению с неотомщенным Богом.

Мы принудительно лишь видимое видим:
Секирой огневласые главы
Отрублены у взглядов в неземное.

Бесформенное самый яркий цвет имеет:
Любовь багровой страстоцвета пламенеет,
И отрешенье снежное, зеленая тоска –
Искристей снега, зеленой листка.

Лишь выход в поле делает доступным
Познание – и мудрый переступень
В белесых кудрях нам отдаст свое
Понятье огнедышащего лета.

Кто знает жизнь – безумно не мечтал
Узнать ее законы и приметы;
Неопытный считает, что украл
Огонь, когда он сам – лишь отблеск света.

Воистину, прекрасен не восход,
Мгновенно осветляющий окрестность,
А предвосходные часы: в благом тумане
Владений феи озера – Морганы –

Куст зверем кажется, а зверь – кустом.

Наш глаз рождается в краю пустом,
Но зренье оплодотворяет местность
Чудеснейшим соитием примет,
Припоминаний – горькую пустыню.

Бог-Глаз, Бог-Око, несомненно, есть,
Но слишком Он заметен, чтоб заметить...
Пока еще есть время (время есть!),
Сквозь пальцы ты прищурься на закат:
В багрянце ногти – это ты убил,
Убийство зренья – твой позор всецело:

Ты, одинокий, не мечтал о встрече с Богом,
Неотомщенным Богом бытия,
Который ждал, все время ждал
Тебя.

Стихи для огненнокрылого пса

*«Далеко ли вы собрались?» –
Спросил я королей.
«Настолько далеко, чтобы,
вернувшись, мы могли сказать:
“Мы где-то были...”»*

Боб Дилан

мы встанем из гробов, где мы лежали, думая о жизни,
и мы с тобой пойдем
по невесомым вздохов переулкам – пойдем ежевечернею
прогулкой
и оросим кусты в невидимом саду

у нас есть столько сил и столько вожделений,
что завтра мы изменим то, что назовут вчера,
и в судорожные вечера
нас поведет живучий рак-отшельник
– туда, где раковины образов лежат

да, здесь была стоянка человека...
пустые створки все расстались с мясом,
и их блаженная сверкающая масса
лежит, как разродившиеся самки:
уже вне боли
– но еще вне счастья
мой пес, неужто ты и я, хоть и прожгли крылами
дырку в небосводе,
не заслужили бóльшую свободу,
чем эта высохшая скорлупа?

какой мальчишка запустил из трубки
горошину с насмешливым лицом? –
– о, все мы одурачены юнцом!
и мы заблудимся в безудержном тумане
и не найдем двери в стекле,
и мы залаем горько и покаянно:
«верните слову слова содержание!»

и мы вернемся от Элеазара
с молчанием и страхом на устах,
но что скрываем мы, и чем
наш вызван страх?
возможно,
жаждой следующей прогулки.

Возвращение

Зверь времени линяет секундами.
Сколько дворников!
Сколько собирателей пуха!
Пересекаем коралловый песок в неясном свете.
Сколько ловцов ставит сети!
Звук перебирается, прижимаясь к стенам.
Из уха в ухо – от бесконечных лун на интегралы скрипок.
Что сталкивается на небесах:
пустые звезды или значение судеб?
Тени кругом – все в мантиях судей.
Мы возвращаемся в дом.
Возвращаемся в дом.

Выйди, сынок, встань на порог.
Это день возвращенья, ибо кости к суставам
стремятся.
Сколько мы ни уходим – круглое время.
Магеллан, Магеллан – ты седеешь,
но покинуть орбиту не смеешь,
так как время – почти что арбуз.

Совершенно кругло и лысо:
на планете король и крыса –
можно миловать, можно казнить –
все равно неразрывна нить
между futurum и plusquamperfectum.

Может свет невесомый гнить
между звездами, словно солома –
просто слишком время огромно
при гниении света звезд.

Мы возвращаемся в дом.
Возвращаемся в дом.
Только дело не в том, что мы постарели
и серый наждак беспробудной щетины
залег среди хрупких морщинок.

Дело совсем не в том.

Даже когда мы моложе были
и звуки музыки плыли
беспрерывным святым полотном,
выходя из дома – мы направлялись в дом.

Я возвращаюсь в сиянье и блеске —
сгнивший остаток бывшего начала.
Встреть, как встречала!

В расцвете, упадке или гниенье —
все на пути возвращенья.

И непониманье и откровенье —
все в возвращенье.

Косари

Трава привстала на носки корней.
Обабок потный в капюшоне листьев,
Качаясь на чешуйчатой ноге,
Заворожил осклизлые грибы.

Он – дервиш
Поющих луж, проселков,
Косарей, лежащих на листве
Вокруг истлевшей бочки, из которой
Полтысячелетия сочится мед.

И ржавчина и гниль на месте кос
Нисколько не смущают захмелевших –
Они безумно смотрят на покос.

Их дождь корит, гноя густые травы,
Но самый старший косарь говорит:
«Там, где мы хоронили наших предков,
Все смешано насмешливо и зло,
То тимофеевки клонится колос редкий,
То вежливо бормочет плевелье.

Кто вложит шибболет в цветущие уста?
Кто лезвие направит, не робея?
Мы знаем, что косы ждет орхидея,
Но к орхидее не пройдет коса!

Ведь все меняется, не глядя, лепестками,
И охмуряет этим меткий глаз:
Вот горицвет пылал огонь-цветками,
Но глянь – и там пырей, где он погас.

И меткий глаз становится глупей,
И гнева царского предожидает шея:
Изменник воронов – из рода голубей
Иль ворон, только статью похищнее?
Никто нам не подскажет, как нам быть.
Пришла пора косить, да только что косить?
Мы на краю покоса коченеем!»

У сельской дороги

Грязь унижить нельзя.
Попирай хоть ногами –
Только всхлипнет, глотая твой след.
Серо-коричневая, все та же –
Равнодушный кисель,
Исхлестанный жизнью проселка.
Грязь и после тебя будет жить.

Дождь ударит лиловыми копьями в землю.
В этот день и в душе, и в земле
Грязь смешается с каплей небесной:
И в ошейнике комнаты тесно,
На цепи у погоды тоскливо.

Грязь потом отстоится,
Возникнет туман –
Изгоняемый дух недостойных желаний,
Разгоняемый ветром, он тщетно
Ждет найти пограничье своих очертаний.
Вот и чистые игры заплещутся в охре,
Игры выползков, и обнажившись на дне,
Все следы амальгамою влаги зажгутся:
Тело луж ослепительно! – очи огромны!
И нескромны, как жизнь нескромна
К тайнам исчадий своих...

Недостойные жизни – достойны лишь зла и добра.
Тем, кто истинно есть – тем прилична иная судьба:
Терминатора света и тьмы; в оседании мути
Наблюдать прояснение кристальное сути.

Грязь добром не унизь!
Там, где грязи подходы открыты –
Жди рождения новых открытий.
А иначе ты сам
С болью своей и любовью –
Лишь безумный агент страховой,
выживший в атомном пекле,
Что, размахивая пачкой горелых листков,
Ищет под пеплом наследников.

«В этом безмолвном пруду ослепленной Земли...»

В этом безмолвном пруду ослепленной Земли
Города – как кувшинки: раскрывают соцветья лишь ночью.

Веря – молчи. Но не веруя – тоже молчи,
Ибо каналы твоих восприятий висят на цепочке,
На брелоке всеобщего стража Петра.

Если где-то в рай и открывается дверь,
Может, совсем не тебе, но по звону полных небес
Понимаешь – кому-то
Ты воспарению чувств бессловесно поверь,
Ибо подошва твоих восприятий
Кремнистой дорогой разута.

Вряд ли столь важно,
кто
пропуск в Эдем получил,
Когда в полвторого тебя фонари погружают в затмение,
Важно, что есть эта ДВЕРЬ –
ну а ты иль не ты –
выше и выше вовек твоего разуменья.

Женщину встретив полночной порой,
не доверься глазам,
Различающим ясно лохмотья и выступы плоти:
Может, это – ниспосланный грешнику ангел небес?
Только глаза загубели, и сердце бесстрастно колотит?

Пьяного встретив – песни за райское пенье прими
(в это ли время ушам неразумно поверить?)
Так в этот час обратится в дорогу тупик,
И на бетонной стене обнаружатся двери.
В игры невинные
с тенью и светом играй.
В сердце великая
смена эпох происходит.

Может, сейчас
на тебя
благодатно нисходит твой рай,
Лишь потому,
что к кому-то
он вправду нисходит.

Молчаливый соловей

купальщицы ногой босою море крови топчут
тепла ль еще? не застудит ли грудь?
Мой Соловей, пропой им, не забудь,
шипом прокалывая сердце, песню,
с которой Лодочника провожал ты в путь.

того, кто спился от работы вечной,
кто знает, что на берегу ином
их встретят тени вьющихся растений
и те же муки – год за годом, день за днем.

да, песня та была всем песням песнь!
в ней не было ни звука: сочетание
ритмических фигур молчанья
и в гармоническом порядке
ты слил с молчаньем пустоту
и дал нам зримый образ неживого тела,
хранящего живую красоту.

ведь то был самый лучший похоронный марш!

и с этой песнею купальщицы вошли
в кровь по соски, и закипела пена,
маня их, словно некая сирена,
нырять, и пить,
и грезить наяву.

«Все то, что жизнью выпито из вас,
вам возвращает смерть, не требуя оплаты.
И Демоны, как верные солдаты,
Вас охраняют в этот час.

Ваш ложкой выскобленный мозг
не дал бы вам таких наитий,
как этот Лодочник пропитый,
осуществивший перевоз...»

Пой, Соловей, храня молчанье!
Им, промолчавшим жизнь насквозь,
Пусть станет лучшим наказаньем –
на темя – капли старых слез...

У зеркала вод

ночные экзорцисты беспардонно
изгнали дух тумана из пучины
студеной лужи
ее эпилептический эллипс
дымился раскаленной сковородкой,
и плавали по ней зрачки

для Вас глазунья, госпожа Безумье!
из лучших глаз – все на показ!

тонуло в озере за отраженьем отражение,
и в озеро бросались прототипы,
ныряя до изнеможенья

уж бездыханных полон берег

одетые, нелепо собираются опять
они, пожалуй, только в это верят –
лишь в то, что повторяется опять

небрежно голова сидит на шляпе,
подходят плохо руки к пиджаку,
ботинок жмет нога

они не пожелали скрыть тоску –
свое очередное развлечение

вот у зеркала вод собрался весь народ
и просит воротить вчерашний день,
когда еще не умирала тень,
когда еще само несло течение

теперь руками надо им без промедленья
гresti самим, чтоб не почить в воде
тень, первым ты была предупрежденьем!

кто вычел легкость из струенья вод?
виновных обнаружили, и вот
детей своих бесстыдных и нагих
они в огонь бросают, как в цунами,
поднятое вещающими снами,
что снились им, когда они в траве
играли с сестрами в волнующие игры

здесь, у зеркала вод, идет расправа,

но пенная вода и правых и неправых
зеленою ладонью накрывает

та нежная вода, что ты пила,
та темная вода, которой стала,
та пенная вода, откуда родилась

Пловец

Тени сгущались в чернила,
ими писались кляузы
на улиц ярких лентах
темными подворотнями.
Плакали глупые ивы
в зеленые воды страха,
падали спелые слезы –
универсальное рвотное.
В зеленые воды страха
гляделось такси одноглазое,
скользило по ним, ведомое,
как лодка на перевозе.
В зеленую воду с грохотом
сыпался щебень смелости –
былые колонны храбрости,
разрушенные морозом.
Скручивались и спутывались
прозрачные волосы вечности,
как водоросли подводные,
хватаящие за руки...
...пловец был последним камушком,
на откуп случаю брошенным,
последним героем Магии,
последнею жертвой Науки.
Пловец был всплеском и выкриком
в зеленом зеркале стонущем,
нелепым пеплом ярости,
плевком разъяренного гнева
И те, кто на берег выплыли,
уже почти растворившиеся,
кидали ему с их облака
небес спасательный круг.

В зеленые воды страха
входили глупые женщины,
взвизгивая от удовольствия,
пробуя воду ногой.
В этой визжащей массе
нелепо пловец барахтался,
укутан водой, как Истина,
в воде, словно Ложь, нагой.
Ах, быть, разновидность небыли!
Пловец, разновидность тонущего!
Нашей борьбы с океаном
нелепая подноготная...

Плакали глупые ивы
в зеленые воды страха,
падали спелые слезы –
универсальное рвотное

Ложе

А тени скрадывают тени
И лунных дисков на воде бобы –
Плоды чудовищных растений,
Корм пастырям, ушедшим во гробы.
Акриды с диким медом и мокрицы –
В сиянье глаз пред балдахином дань
Хитином ослепляюще искрится
И освещает синюю елань.

Фиалковые лица ослепленных
Животворят сияющий покой.
Живую дань Царь Насекомых
Берет дряхлеющей рукой.
И мы пришли, два локона сиреных,
Уступленных прибрежным валунам;
Два листика, дрожащих в опасенье
Прервать счет гипнотическим слонам.

Слонов считали, потому что сонно
Все плавало вокруг, а спать мы не могли,
Взволнованные плеском патефона
Пруда округлова с лучом вместо иглы.
И чуялось, что Царь придет внезапно,
Узнав, что ложе узурпировано вдруг,
И горизонты вмиг захлопнуты капканом,
Мы сбавим ожиданье хищных рук.

И мы спешили, заплетая ноги
В косу Лилит, успеть познать ночлег,
Пока нам не швырнули громы боги,
Как будто на спину холодный снег.

А ведь сейчас, в плачевное мгновенье,
Когда поднялись груди-жемчуга,
Арена боя в чудном мановенье,
Наставит миру карликов рога.

И предводитель карликов, Царь Муший,
Сам Бель-Зибаб, швырнет нас от грудей,
К комедии, известной под названием
Истории Трагической Людей.

30.07.1978, с. Ловозеро

«О эльфы! Лица, стиснутые рамками...»

О эльфы! Лица, стиснутые рамками
Моих мир искажающих очков;
Изгнание беса радости из радуги
Мишени концентрической зрачков.

Они тебя вели сквозь мятый папоротник
И берегли от змей в малине, только где,
Как к ягоде, к ноге влекущей маленькой,
Браслет из раковин на золотой ноге?

И прозябали мы в своем неведении,
А эльфы волокли речной браслет,
Туда, где мы бывали не последними;
В овес, в крушину, в ежевику, в бересклет.

В траву бросали смятую, где помнили
Травинки тяжесть двух гранитных тел,
Где все увидели глаза росы, где пролили
Молочный сок, и очиток, и чистотел.

И в раковинах, что травой тронуты,
Уста песка детей произвели:
С глазами желтыми, увенчанных коронами,
Вооруженных памятью золы,

Золы сожженных дней, бескрайних гарей, пустошей,
Сердец разбитых и твоей любви:
Твой пот стал кровью величавых юношей,
Зубами стали ссадины твои

Те ссадины, что никакие грешные
Не сделали б, ни шиповатый лес,
А выскребло в лодыжках путешествие
По битому стеклу твоих небес.

Чудовищно огромные, прекрасные,
Они под утро вышли из лесов
И мерно шли дорогами опасными
Все дальше, прочь от наших слов и снов.

Чтоб нас сберечь, в траве лежащих сутками,
Они причину уничтожить шли
Тех бед, что предвещали бедным путникам
Горгоны волосы из-за холмов вдали.

И мы, родители, не слышали о каре,
Постигшей чорта на холмах вдали,
И белое, лишенное загара
Цвело кольцо на стебельке ночи.

И мы в ночном дыханье не слышали
Звучанье битвы: утренний наш слух
Лишь звон жары и луга наполняли,
Жужжанье то ли эльфов, то ли мух.

23.07.1978, с. Ловозеро

Дом палача

что больше выжимает слез из век тряпичных?

руки тех рек, к которым вновь нельзя вернуться

и мы потеряны в кустарнике когтистом
дрожим и падаем, бежим на огонек
как страшно, если лист в лицо ударит –
зеленая пощечина из тьмы!

деревья вынут корни из земли,
обуют их и двинутся в дорогу,
чтоб скинуть иго человека
недолговечное: его поглотит лес

все потому, что провели мы детство
в библиотеке пыльной,
во дворе хромого Дома Палача,
к которому не приближались
благопристойные

и эта щель в стене, и дачный флирт,
и лень в тоскливый полдень, и девчонка,
ведущая, как тропка, в луговину –
все обернется против нас

ты помнишь: она купалась голая в реке,
и этот знойный луг ты проглотил,
как горькую пилюлю самосознания
и фатальности кончины
под шпагой леса, сдвинутого вдруг
и недоноска с воинством зеленым?

а ей уже за двадцать было,
порочность обещала целый мир...
но как ты равнодушен был!
и только тихо удивлялся,
что речка вылилась из берегов –
так много было в этой женщине
напева пеночек и плеска

О Дома Палача тоскующие дети!

«Просыпаясь между двух тел...»

просыпаясь между двух тел –
теперь уже вне гравитации
плавая и растекаясь
над расколотым мрамором
собственного изваяния

просыпаясь между двух тел –
не в силах пить гнилую воду
в стеклянной поллитровой банке
и даже не нуждаясь в ней
и ни в чем – кроме пламени и полета

просыпаясь между двух тел –
ты еще не понимаешь
что создал Новый Запрет
из невинности девичьего бунта
и что он готов вырасти в Ветхий Завет

«Здравствуй, то, что за закрытой дверью...»

Здравствуй, то, что за закрытой дверью,
то, что встретит в сумерках прихожей,
спрятавшись в пальто не первой молодости,
уцепившись за рукава бесформенные.

Сладкая тревога в гардеробе.
Платья смущены его присутствием.
То один карман, то другой оттопырится,
колыхнутся деревянные плечики.

Здравствуй, то, что под диваном выцветшим.
То, что под разбитой пепельницей.
То, что испугавшись выключателя,
скроется и больше мне не встретится.

Не бойся. Не визжи. На стол не прыгай.
Это просто карликовый тигр
воспоминаний, жвала наостривший,
паутину в туалете свивший.

Бесполезно плакать в коридоре –
встань к окну, и ты увидишь море,
огненное и бесформенное.

Первый день Содомы,
первый день Гоморры.

«Это еще не ненависть: так, лишь вспыхнула спичка...»

это еще не ненависть: так, лишь вспыхнула спичка,
выхватив из темной комнаты два безликих лица
плачущие, звериные, не знающие, какого черта ради
они глядят и дышат одно в другое

это еще не ненависть: легкий зуд на шкуре огромного
черного животного,
лижущего лоно той, которой мы страшно боимся,
будучи ее сторожами и кормилицами

это еще не ненависть: случайная пощечина
в ресторане,
после которой, как это ни странно, все остается
по-старому,
и те же босые желания, спрятавшиеся
под диванами —
босиком по грязному полу

это еще не ненависть: только легкое брюзжание
перед иконой, смысл которой еще не осознан
это скитания в темных лесах подсознания,
нечто неосязаемое

это еще не ненависть: только лишь вид бурления
некой вязкой жидкости,
вечное промедление
это — словно где-то на помойке
среди банок консервных зачинают дитя

и на этой помойке пробуждается жерло вулкана

Поминки по упоению

босоное упоение отыскивает осколки стекла

кровавые прожилки стопу в лепесток превращают
расцветает нога и испугано вьется поломанным
стеблем

(черный траурный бархат на листьях
молчащей в тени неизвестной травы)

мы его пригласили на праздник вчерашний,
но прогнали, как только дождались зари

серая завязь утра расступилась, дорогу ему уступая,
и пошли мы печальной дорогой, где лезвия стеблей
скрежещущих безустально точит тростник

мы не знаем причины, но, верно, оно забежало
случайною гостьей
и потребность в себе не прочло в наших
бесплодных глазах

...и рыдай, и стенай, и страдай!
но не смей страстно клясть.
Что в проклятьях на голову синюю Неба,
если мы не сумели (и вряд ли сумеем)
любить?

если мы в грязь втоптали путеводную нить
только лишь потому, что она не была золотая?

Ад воров

Сухая пыль поддерживает свод.
Палящий зной заносит молот
на воду хрупкую в оправе тростников.

Пути воров приводят в этот ад:
здесь нечего украсть и не к кому взывать.

Звенит в отчаянье качнувшееся лето
на скользкой кромке исполинских вод,
и отражаются в воде кометы,
пророчащие предпоследний год.

Возьми за воды свой народ!

Но было время водам расступаться,
когда тяжелый караван мог проскользнуть.
Теперь преследователь совместился с жертвой.
И некуда бежать. И от кого бежать? Забудь...

У края вод собрались воры.

Чужую боль, любовь чужую
опустошая как карман,
надеждам пели аллилуйю...

Но ремесло сломило волю.

И все осело в легких памяти, как пыль:
и тонкие и хрупкие богини,
дожди, прижавшие своим расстрелом к стенке,
спокойный сон на пламенной росе.

Вся пыль на полке памяти осела.

Весь прах отдать?! Карманы вывернуть и этим
искупление и облегчение приобрести?!
И легкими как луч преодолеть
бескрайнее пространство?!
Но черви с неотступным постоянством
желают неотступно руки грызть.

Не утешайся тем, что это – месть.
Мсть – преходяща. Ад пребудет вечно
С тобой – когда в тебе уже он есть.

Когда в себе его взрастил беспечно.

«Бессонны очи пустоты...»

Бессонны очи пустоты;
Ей, не наполненной смятеньем,
Век простоты быть воплощеньем,
Не зная прелесть простоты.

Ей – вечно к призракам на грудь
Склоняться головой пустою,
Век вслед за смутною толпою
Фантомов выбирая путь.

И, пролетая сквозь года,
Сама себе лишь интересна,
Всепожирающая бездна
Любви не встретит никогда.

«По водам призрак снова вынудит ступать...»

по водам призрак снова вынудит ступать
туда, где каждый шаг за чудо
почтут немые обитатели глубин
и сердцу снова нужен господин,
чтобы продать его, как продавал Иуда,
и отрицать его и, низведя в ничто,
остановиться перед выбором великим,
вновь обратившись просветленным ликом
туда, где чувства новые и новые молитвы
заставят снова буйствовать его.

Потоп

набросил небосвод на лица жертв свой плащ,
и снизошла вода на крыльях грома
в хрустальных змеях струй
прозрачными ногтями
вцепилась в листопад
— и порвала листву
и заметалась с плеском под ногами

язык ее слизнул все краски с улиц
и растворил в гортани пенной слюнкой

чудовище воды подмыло стены
— и погналось за собственным хвостом

спокойствие!
поближе к сердцу жарко
копченных языков огня не жалко
шипят желанья на сырой траве

и так прозрачна, лжива и доступна
сухая страсть в объятиях воды

Второй потоп

наполнен, уходящий тяжестью в песок,
ты попрощался с поздними цветами,
с камнями, где вскипает очиток

стекают слезы с глаз, ресничными зонтами
прикрывшими весь череп, и встает
надбровие рыдающим цунами

и пережить возможно ли потоп,
когда ковчег былым столь перегружен
и флаг разорванного неба хлещет топ?

о той, об этой вспоминая, этим
себя отдать пытаюсь – кто мог знать,
что содержание, расплесканное летом,
оборотит поток воспоминаний вспять,
и вряд ли удастся рассказать
о мелодичности однообразных дней
тоскливых,
коктейле неба с желтою оливой,
о том, что составляет в целом
неповторимость человека,
о прищуре
глазного уголка
пленительного ящера горы
все рассказать, особенно когда
ступня предгрозовая тишины
зависла над заброшенным селом, и струйки
песка, стекающего с пальцев, шепчут
еще одно смешное имя бытия

«Эту старую кожу, местами порванную...»

Эту старую кожу, местами порванную,
набросив на плечи души,
выходишь в мертвый утренний дождь ощущений.

Затерявшуюся в складке, сломанную сигарету
дыхания
Зажигаешь быстрой спичкой открытого глаза.

Кепку черепа с густым козырьком
накинув на сновидения, как на насекомых, которых
усердно
ловил в детстве.

Выходя
на
чужую
улицу,
враждебную
улицу.

Когда станешь домоседом?

Когда больше никогда не придется
надевать эту вышедшую из моды одежду,
пропахшую пробуждением?

Просыпающийся облачается в себя
спросонья на левую сторону.

Всегда на левую сторону.

«Я возвращался домой по улице темной...»

я возвращался домой по улице темной,
словно танцор – по минному полю
каждый шаг был выверен – но и рискован,
каждый удар сердца – грозил детонацией
я увидел огненную черту – поперек улицы,
и за ней – уходящих вдаль юных героев,
пишущих кровью имена женщин
на стеклянных стенах
узкого и мрачного коридора
отягощали карманы невыполненные планы,
но головы, как аэростаты – тянулись
к высокому небу,
искривляли лица злокачественные пороки –
так долго сердце жило на воде и хлебе
оглянувшись назад – я вдали увидел
робко ступающих – по моему следу
я понял – я должен лечь поперек
и загородить проход усталым телом
девушки, строящие на песке воздушные замки
великой жертвы,
юноши, выкрикивающие пункты обвинения
– о, я должен быть последним и первым!
и я упал на черте – не дойдя до дома,
и увидел – стекленеющими глазами:
они шли по следу – ничего не заметив.
переступая через тело ногами.

Предел

Достигнув предела пути,
Я оглянулся, чтобы описать путешествие
Лицам, пославшим меня сюда.
Хоть в дороге мне снились иные сны,
Чем вам, оставшимся дома,
Хоть увидел я столько лиц,
Что я лица родных не вспомню —
Вид стены, преградившей мне путь
Вдохновляет меня на поэму.

Стена, как и положено старой стене
В романтических образах,
Может быть описана так:
Темная зелень плюща,
Взирающая на путешественника,
Трещины, давшие обиталище
Скорпионам, тарантулам, сороконожкам,
Яркая зелень берез,
Налипшая на глаза,
Золоченая маковка церкви,
Разрезающее солнце в движении к меридиану.

Но если воспользоваться иными словами,
Сочлененными в иной последовательности,
То как вы назовете эту преграду
На пути к истоку всех времен?
Сюда уперлись все призрачные тропинки,
Прорубленные лунным светом
Для лунатиков, бредущих с высоко поднятыми
руками,
Для несчастных, опустивших руки.
Здесь прохладно и приятно,
И есть родник, необходимый для жизни,
Но нет движения вперед,
Хотя по смеху детей мне понятно,
Что и по ту сторону стены есть жизнь.

Познав измену раньше, чем женщину,
И женщину раньше, чем любовь,
Я теперь познаю окончание жизни
Раньше, чем смерть.
Потому что, как ни приятно будет
Существование возле стены,
Оно не продвинет меня ни на йоту дальше.
Радует лишь сознание того,

Что ни один,
Ни один из попутчиков
Не перейдет на другую сторону Старой Стены.

В одни времена стена – лишь препятствие,
По преодолении которого
Новое солнце восходит –
Барьер революции образа жизни и мыслей.
Но время от времени в ходе веков
Стена становится неодолимой.
Это время, когда эмаль листвы
На воде прудов
Знаменует конец старой жизни,
Но новой еще не видно
За выпавшим снегом.

Для пальцев слабых остекленела поверхность
Стены.
И мысли погрузятся в оцепенение беременности
У Старой Стены.

И дети, играя, полезут за стену,
Как в сад
Соседский.

Поэтому жду терпеливо детей я.

«Дети Больше и дети Лучше! дети, вспомните...»

дети Больше и дети Лучше! дети, вспомните,
вы – дети Случая,
вероятностного взаимодействия
лицедействуя и злодействуя
на подмостках, что мнятся бытием,
единичное вы событие,
недостойное званья открытия
создавая свои концепции,
вы и сами – всего лишь концепция,
что нуждается в доказательстве.

Кривь и кось

корявые ветви деревьев – фотографии кумитэ
приготовимся, дети, к тяжелой борьбе:
мы должны уничтожить себя в себе

я – за все извращенное разом:
в нормативном нет хитрости разума,
нормативное – память о пастбище

кривь его превращает в ристалище
кось его превращает в сражение

кривь и кось не дают повторениям
подменять собой отражения

грязная женщина занята грязным делом
пифагорейские сферы
золотые созвучия
энергии тучи
ветры высот, текущие через
пиратский флаг, что полощется в хаосе
выше мелодия, выше нота
обрывается

корявые ветви деревьев – фотографии кумитэ
приготовимся, дети, к тяжелой борьбе...

«Телефонный номер Бога...»

Телефонный номер Бога.
Таксофон. Напевы диска.
Пережеванные строки
Вяжут зубы, как ириска.

А снаружи: стон и грохот
Пробежал чугунной крысой.
Жаждет под унылый хохот
Ветер Землю сделать лысой.

Вызывающе и грубо
Скаются в ночи березы,
Словно мраморные зубы
Крутобедрой чернокожей.

В непрозрачности незнания –
Ни единой вспышки, кроме
Искр огненных рыданий,
Пробежавших по соломе.

Смолянистая дорога.
Две заломленных руки.
Телефонный номер Бога.
И короткие гудки.

«Рано или поздно ты обнаружишь...»

Рано или поздно ты обнаружишь,
что безумье твое за притворством не скрыть.
И, над бездной баюкая на руках
нерожденных детей в пеленках свободы,
ты свой взор просветлишь, чтобы взгляд потемнел.
Ядовитые слезы на жалах ресниц задрожат,
и, впервые решившись гниению мысленно
тело подвергнуть,
— засмеешься над тыщей напрасных шагов.

Вспомни, Господа ради, дитя, стрекозу у пруда,
что дрожала, как жилка, на мраморной шее
березы,
и соленую кожу, где бился в крутых буранах
твой корабль не раз, ожидая слияний
и претерпевая крушенья.

Погаси телевизор и дверь за собою закрой.
Once again you must hit the road.
Прикоснись к голубому клыку ночных освещений.
И рискни, наконец,
вечно связанный тысячей пут,
совместить свое я с я чужим в единенье великом.
Останавливай пьяных, прохожих считай за друзей.
Будь
что
буде т.
Конец —
неизбежен.

И чудесный фиал, что тебе безрассудно вручен,
наполняй чем придется. Клади так, как ляжет.
Укрепляет все сплав. Тает в сплаве все, как
шоколадные женщины
на солнечном пляже.

Магнитная любовь

Нежные черточки напоминаний
Облекаются пышностью безудержной памяти.
Яростный воздух
Бурю поднял
В стакане черепа.
Исход аллеи, обсаженной липами,
Предрешен стальным прутom дикого аромата,
Который ты запомнишь навечно,
Который года один за другим
Насаживает чеками,
Уплаченными за доли жизни.

Иди без стеснения,
Думая, что душа
Застегнута на все пуговицы,
Хоть и станет
Розовеющая нагота
Достоянием холодного объектива Луны.
Лица шепчут под ветром,
Очищающим стратосферу твоей мысли
От увядших ладоней осени.

Снова дождь упадет к пояснице, как платье –
Человек, в мир пришед нагим,
За колонны дивного храма прячется.

Будь ящерицей, а не птицей –
Хоть ты и не взлетишь,
Но обманешь дьявольскую руку
И твой хвост издевательски в ней изогнется.

Ты – открытая дверь,
Из которой выходит
Затишающий смех;
Облизывая сухие губы,
В темноте нащупав
Изобразительное богатство раздетого тела,
Или, совершив иное экспансивное движение
К эйфории – остановись:
Не задуматься, а принюхаться, сделать привязку
К звезде путеводной
Изведанной ласки,
Чтобы не потерять ориентацию
На Магнитную Любовь
В темном лесу

Неизведанных впечатлений.

Если ты стоял на балконе
С сигаретой в руке,
Словно бог, снисходительно наблюдая
Линьку весны
И массируемую атаку
Детских колясок,
То что стоит тебе
Еще раз раствориться богом
В плывущем весеннем запахе?

Пробуждение памяти откровенно –
Не стесняясь наготы, подгоняет она чужую одежду
Под тело свое.

Так и иди – смехотворно медленно
Вдоль аллеи, обсаженных лицами,
Останавливаясь на секунду
(Лишь когда асфальт липок)
Перекусить
И утихомириться в слиянии с сигаретой
У полуосвященной стойки.

Измена

и осень начинает раздеваться,
лишь только наступают холода –
сперва приподнимает край одежды,
внезапно покраснеет от стыда,
синея утром от желтеющих туманов,
желтеет, лихорадочно дрожа –
и в окончанье, –
вся донага:
как высохший коралл
торчит остов лесов,
мычат напившиеся облака,
как ветер, застревающий в проулке,
не смея сделать шаг,
боясь разворошить палас кукушкиного льна,
переминается сосновый лес с ноги на ногу,
качается, устав стоять – и тут же засыпает

березы в исступлении нудизма
кистями крон печально лакируют небо,
и ели черные, закутавшись до пят,
насуплено глядят
и иглами пытаются содрать
лак бирюзового загара

но лиственница среди них
стоит, раздевшись,
сочувственно глядя на пляж берез
и по углям идет,
а ели раздувают
гранатовый огонь

Изменщица – Измена!

Чеснок

Прочисть ноздрю пророчествами древних,
и ты учуешь, как натерт внутри
сих глиняных расколотых сосудов
Чеснок Дурных Деяний.

Уныло песнь поется колесом,
вращаемым Мидасом и ослом,
сознание отличности растет в них,
и крепчает
Чеснок Дурных Деяний.

Возвысится, чтоб смерти избежать,
Но смерть страшнее высшим, чем простейшим –
И в страхе тянутся они все выше снова,
и вместе с ними тянется
Чеснок Дурных Деяний.

Очищенный и злой, накрошенный, натертый:
тобою привлечен, уже летит Четвертый,
Страшнее первых трех, и он крещен огнем.
Он носит имя Трезвого,
и из следов копыт его
растет Чеснок Дурных Деяний.

«По переулку, по переулку...»

По переулку, по переулку
Гуляет ветер, бессонный ветер.
Стучит он в ставни, колотит в двери.

«Эй, прихожане, стелите коврик,
Молитесь страстно, молитесь долго,
Целуйте землю!»

По переулку, по переулку
Несется пламя, сквозное пламя,
Всех очищая своим дыханьем.

И через пламя проходят души
Всех оскорбленных:

Дев престарелых, их черных кошек,
Жен изможденных, отдавших лица
Огню плиты и пене мыльной,
И стариков, кричащих тщетно
В припадке пьяном пустым карманам.
И тех, в ком старость таится скрытно
И проступает сквозь их поступки.

И ищут, ищут в путине листьев
Несчастных души: себя и время.

По переулку, по переулку
Идут, танцуют, поют и пляшут,
Не замечая скорбей пропащих –

Лиц безупречных горды анфасы,
Сердца стальные, глаза – хрустальные.
Воспоминанья! Воспоминанья!

В толпе прекрасных себя находят,
Себя находят и мчится эхо –
– о, громовое! –
Я был тобою! мог быть тобою!

Но отстраняет суть воплощение –
В морщинах дробится отражение.
Они снимают ладони падших
С плечей прекрасных и вдаль уходят.

Совсем уходят... навек уходят...

По переулку, по переулку
Гуляет ветер, бессонный ветер,
Колотит в ставни, молотит в двери.

Молитесь ветру,
Нерожденные дети!

Ангелы в форточке

i.

Пришли времена
Вторгаются ангелы с чашами, полными горечи,
в окно моей спальни и будят меня
влажным хлопанием крыльев: пришли времена,
держась за руки, от похмелья прозрачные – Боже! –
пришли времена, те времена, что прошли...
И пальцы возложены на окончания молний –
застежки старой кожи разошлись –
устав кусать грудь белой клеопатры,
саатиновой, набитой пухом и пером,
я приползу линять под умершим окном.

ii.

Под Окном Дома

Здесь, под Окном Дома, куда я вечно возвращаюсь,
ослабляя крепления дыбы, на которой подвесил
я память,
протерев формалином блестящие крючья...
Под этим Окном, прорубленным в коже того,
кто из тайн пирамиды слагает,
очень давно танцевал я Пьеро
в маскарадном наряде болвана...
Очень давно я верил, что любовь – выключатель
магнитофона с искрящейся от пьянств музыкой
пробуждений...
Сюда, под Окно Дома, куда я вечно возвращаюсь,
я приношу новый виток спирали, новый венок
для сераля тех красавиц,
что золото перековали на монету –
металл вечно юных волос.

iii.

Корабль за невольницами

Ночные улицы – простор для карнавала

гуляющих ветров в балахонах из газет...
По улицам друзья идут к большому Кораблю
конца своих скитаний, на котором
привязаны, как привидения, и стонут,
и мечутся как паруса для сонных Эльдорадо –
непобедимая страданиями Армада –
сонмы Чистых Белых Простыней.
Ах, легкие полны предвосхищеньем
грядущих вздохов, трапез на траве,
и берег путешествия звенит
как колокольчики пленения
на ногах невольниц,
с волнением выбегающих на берег
навстречу Кораблю.

iv.

Danza de fores
Мы вас любили, в вас себя любя,
Вы – соучастники открытия себя.
В руках, казалось, брякали Ключи
к любому сердцу от любой двери.
Мы – феи ваших приключений наяву.
Рычали пятна, желтые, как ягуары,
а попугаи переулков повторяли
слова любви на сонном берегу,
пока к нему не подошел Корабль
и вы с него на берег не сошли.
У вас в руках лежала Музыка, которой
так не хватало солнцу джунглей и страстей.
Танцуй, моя сестра, танцуй!
Пятнадцать золотых колец на срезе бедер,
пятнадцать светлых годовых колец.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

И грудь твоя, как носик твой, курноса,
и ты еще не задаешь вопроса,
но ты уже ответы знаешь все.

Танцуй, моя сестра, танцуй!
Лупите, черномазые, по бонгам!
Сосудик вьется вверх по щиколотке тонкой,
он алым в лоне расцветет цветком.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

Низ живота курчавится дремуче,
кора лодыжек в бархатных обручьях.

Я – глина, будь для пор моих водой!
Налейся, как в сосуд, в мой глаз пустой,
заполни пустошь меж закатом и восходом,
будь голой непосредственной природой,
танцуй, моя сестра, танцуй!

V.

Love labour's lost

– Где же вы?
Вечно непосредственные, нашей юной жажды
утолители.
Где же вы?
Юного безумия добрые целители?
Где же вы?

– Там же, где и были –
в Гренландии и пыли –
Скептически губы застыли,
мы начисто нынче бывшее забыли.
Стояли на пороге, да не знали дороги.
Думали вечно свечами гореть
у изголовий юных безумцев,
но нынче мы ищем иное.

– Что же вы?
Те, кто так любовь ценили, ради одних ее усилий.
Что же вы?
Те, кто все терять готовы, но не обрести оковы.
Что же вы?

– Терпеть мы вечно не могли.
Не претерпеть того, что нам готовит плеть.
Мы вечно не могли хотеть, хотеть...
Теперь любовь не цель для нас, а средство!
Зачем манить обратно в детство нас?

Желанья ваши были святы, но – плачевно! –
лежал под пологом хромой и умный бес,
и он желал совсем иначе, что ж – поплачем –
но все и впредь останется как есть...

vi.

Машина ищет хозяина

Здесь, под окном, где я вечно стоял,
принося обломки спирали,
Сквозь боярышник, скрывший места наших
тайных курений,
вечно рыщет дорога, и по ней вечно рыщет Машина.
Вечно рыщет и ищет Хозяина вечно.

Без шофера, сама по себе, утыкается бампером
влажным
и случайно сшибает в ночи зазевавшихся пьяниц.
Вечно рыщет машина во тьме.
Пусть вся музыка хищных вечерних гуляний утихла,
все же рыщет машина, и знак номерной
так же полон ее оживляющих букв.
И лишь только один питекантроп, вечно один
питекантроп,
ловит машину под утро и загоняет в гараж.

vii.

Morrison's Song

Я плачу о мачо...
Ему не понять, что бродяга иначе,
чем он, достигает блаженства, вниманья
восторженных женщин с цветами желанья.

Я плачу о бывшем и настоящем...
О бывшем, в цветах
Настоящим не ставшем.

Змея с президентскою дочкой жила,
Нерон где-то бегал, окутавшись шкурой,
но грех человечества не был натурой,
хотя грех всегда – отражение зла.

Я плачу о том,
кто все это напишет,
о том, как в потемках
устало он дышит.

Я сын адмирала,
тень блудного сына,
но та субмарина,
в которой мы плыли...

...он в ней не повинен.

Наивное – глупо?
И свято!

viii.

Кофе на небесах
Ангелы вторглись, чтобы весть возвестить
Горлом своим всем детям заснувшим.
Боже! – пришли времена – мы их ждали
за чашкою кофе
со всеми друзьями на небесах.

Ангелы въехали в мою форточку на мотоциклах,
с радостным воплем, на крыльях неся
хлопья первого снега – Боже! – мы снова
подымаемся, пав,
со всеми друзьями на небесах.

ix. Baila, mi hermana (pasada segunda)
Танцуй, моя сестра, танцуй!
Тело женщины, бейся и вейся,
На объятия снова надейся.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

Мы еще повторим нашу жадность
К немедленным переменам.
Мы еще повторим, повторим –
Непременно!

Танцуй, моя сестра, танцуй!
Это все отступления: давши раз представление,
Мы немного устали...
Повторяем сначала!

Ведь не зря ангелы влетали в мою форточку
Танцуй, моя сестра, танцуй!

13 октября 1980 года

«Кто ест пюре из яблок...»

*Сорвала Ева с древа
не натуральный плод,
А было это, верю я,
пюре или компот!*

Кто ест пюре из яблок
По утренней поре,
Тот в тысячу раз счастливей
Не кушавших пюре.
Возьмем мы для примера:
К девице шел кюре
Затем, чтоб исповедать.
Бьет крест по сутане,
Глаза сверкают шало,
Дрожит, как жеребец,
Видавший виды малый –
Ну девице конец!
– «Святой отец!» – «Покайся!
Спасать я падших рад.
А лучше раздевайся –
Так требует обряд».
Летят чулки, подвязки:
Чтоб душу упasti,
Какой не веришь сказке?
– «Ах, девица, прости!»
Поругана невинность –
Но ловок наш кюре:
Чтоб девицу утешить,
Подносит ей пюре.
Ах, дьявольские сети!
Учитесь у кюре,
Живущие на свете,
Дарить другим пюре!
Студент собрался милой
Подарок подарить...
Но денег нет в кармане,
Да и не может быть.
А если бы и были,
Так что же? Все равно
Для дам искать подарок
Мужчинам мудрено.
Убеждены мужчины,
Что тысячи сортов
Духов и прочей дряни,

А равно и тортов,
Даны товарам этим
Лишь с цельюю одной:
Чтобы как можно круче
Расправиться с мошной.
Куда ж идти студенту?
И где искать ответ?
Печально настроенье,
Как прерванный минет.
Но чрез тысячелетья
Мерещится кюре:
«да отвяжись от бабы!
Пусть лопают пюре!»

А она говорит

а она говорит: «Не мешайте мне спать!...»

и Держатель Тумана с молочной кожей,
с ветряком на макушке,
напрасно он гонит
своих снежных овчарок

там, где Это и То сочленились у гор
в морщинах природных страданий,
напрасно он гонит
своих ледяных овец

а она говорит: «Не мешайте мне спать!...»

«а я-то уже умер...», – маленький ей повторяет:
«О, я долго автобуса ждал!
И внутри все дрожало, перемен ожидая
единственной верной такой...»
– маленький все повторяет

«и всякие-всякие были – для песочницы,
для прыщей, для уверенности юного буйвола,
для очков, для морщин, для седин,
для скрещенных рук
и потертых монет на глазах», –
– маленький все повторяет

а она говорит: «не мешайте мне спать!...»

а она говорит: «ну прошу вас, оставьте в покое...»

На старой бойне

Пустырь и няша. Жесткий ветер
Обрывки воздуха несет
И клочья неба. Ветер метит
Земле во вспученный живот.

Здесь – вздыбленный навстречу ветру
И недокончивший прыжок,
Приваренный к скелету смертью,
Гниющий лес оленьих ног.

Здесь рыхлый череп разможенный
Готов, задрав облезлый хвост,
На сухожилиях напряженных
Буксировать свинцовый мозг.

«В пустых орбитах, вне вращения,
Прыжок растянут на года:
Судьба последнего движенья –
Быть неподвижным навсегда.

И из себя шутов мы корчим
И ищем взглядом, кто бы смог
К иному бытию окончить
Наш неоконченный прыжок».

24.07.1978, с. Ловозеро

Бижутерный дождь

Сперва струились волосы...
Потом,
В прекрасном утопая водопаде,
В круговороте зеленоватой бронзы,
Как бы моля об истинном спасенье,
Взмахнули руки через занавесь волос –
И каждый палец золотом занялся,
И так отяжелели пальцы,
Что руки к бедрам, вниз, бессильно пали,
И там, обвиснув, как две бронзовых струи,
Вдоль туловища обветренной скалы,
Журча, в бессильном жесте свились,
И сразу стали золотом глаза.

Сперва струились волосы,
Потом...
Потом огромное и золотое тело
Рассыпалось на маленькие струйки,
Как будто сбившиеся волосы
Натужно расчесал огромный гребень...
...и дождь бесился и звенел.

Что ж, научи меня, гроза,
Изысканному мастерству быть каплей.

Когда даная,
Дежурная, очередная,
Свои колготки надевая,
проходит к сизому окну
И, на морозные узоры
Бросая ледяные взоры,
Стоит,

То зеркалу в прихожей
Весь этот город кажется похожим
На сон, пролитый в лоно вкрадчивым дождем.
Единственная верная Даная!
Я постепенно ощущаю,
Что в каплях слов моих и ласк
Металл на медь
Привычка замещает
И ярче блеск становится,
А теплота бледней.

Я золотом быть разучился.

Кольцо души моей перековать
Под палец твой так трудно –
Хрупок сплав.
В зеленой пленке окислов
Лежит он
И дышит тяжело в припадке астмы.

А помнишь, я умел...

Ятрышник цвел.
Осока протыкала натянутый батут пруда,
Где акробатику показывали нам
Лягушки из зеленой яшмы.
Мой красный клюв
Срывал кувшинку,
И грудь высокую твою
Я осыпал цветком –
Одним цветком.
Бил белыми крылами
По бокам
И шеею ласкал протянутую руку...
Потом я твой коровий бок крутой
Поглаживал рукой при переправе.

И страшно мне теперь
Так, словно побывал
В другом краю, где медленнее время,
И через год, назад вернувшись, обнаружил,
Что умерли все те, кого я знал.
Забыто мастерство метаморфозы
И вновь со мной спокойно,
Но порой
Взгрустнешь в мечтах, чтоб что-нибудь случилось.

ХОТЯ БЫ ДОЖДЬ ПРОЛИЛСЯ ЗОЛОТОЙ...

«Звезда Печали! Знаки Зодиака...»

Звезда Печали! Знаки Зодиака
Молчат, как задремавший зоопарк.
Рожденный под тобой, рожденный плакать,
Над кислотой пруда белеет парк.

Здесь Все прошло, печальной бороною,
Как маятником, отсчитав часы,
И клочья паутины над водою
Висят, как клочья этой бороды.

Садилось Все в такси, входило в Небо,
Не попадая в скважину ключом...
(Безглазо было все и слепо –
Здесь пьянство было ни при чем).

Желтели листья, будто ныла печень
У кружевных деревьев, пахнул снег,
И я не поздоровался со встречным,
Остановив вневременной, кричащий бег.

Царапая песок тяжелой тростью,
Сидело Все, укутанное в мех,
Ругало ревматические кости
И выпускало стариковский вздох.

Огромный Нос вдыхал осенний воздух,
Через ноздрю в себя вбирая облака...
И горло тишине прорезал возглас:
«Неужто это Все?» – И Все сказала: «Да...»

Астрологическая трагедия

Снег полыхал уже не первый месяц,
И пламя перекинулось на лед;
Снег руки обжигал, за воротник он падал,
Сжигая кожу на спине; во всех прихожих
Сбивали снег, как пламя, с черных шуб,
И толпы раздувались, словно кобры,
Пытаясь отряхнуть напалм с себя,
И пьяные лежали –
Обугленные трупы.

И тут же, в тишине, как в кисее,
Сон с желтой пеною у рта неясно проступает
Сквозь легкий занавес мороза.
Огнетушитель сорван был,
И сразу вьюги смерч поплыл,
Как сказочный огнедушитель.

Ты шел, но кто-то на руках,
Тяжелый от предсмертных стонов,
Лежал, и ты его тащил,
Порою из последних сил,
Порою вновь воспрянув духом,
Ронял его в огонь и поднимал
Опять, невидимого, с ребрами худыми –
Из пламени – на волю, спотыкаясь,
И близоруко шарил по сугробам,
Когда, невидимого, вновь его терял.

И это было первое явление планеты...
А самки продолжали хохотать.

Над омутом летала стрекоза,
Твою любовь изображая этой
Пародией невинной;
Злобный месяц бодал нагое небо в теплый пах.
Стеклянный омут, в котором даже ведьмы тонут,
Ткал как паук вериги из лунных бликов.
Тень по траве скользила,
Едва одетая – ее ты удержать
Способен был, но не способен ощутить,
И, недовольный непознанием тени,
Ее ты все плотнее прижимал,
Но не подвластна тень была
Проникновенью.

Второй явилась раз тебе планета...
А ивы продолжали хохотать.

И вот, освободившись от привычек,
В латунной шкуре, под мохнатые глаза
Слезливых звезд представ и руку
Вдаль протянув за недоступным и принадлежащим,
Ты в первый раз почувствовал трепещущую плоть
И тут же ощутил разлитие пустоты в руке,
Как бы разлитие желчи.

И пролетали метеоры
Снежков расплавленных,
Которыми играли огромные титаны
С оранжевыми мускулами; а ты
В безумье шарил в темноте руками,
Пытаясь отыскать весомый камень
И бросить Неизвестности в лицо.
Но пальцы расползались
Адамовою глиной и лепились
Вокруг исчезнувшей планеты, не стерпевшей
Прикосновения огромных рук.

«Когда мы утонем в холоде...»

когда мы утонем в холоде,
сведенные судорогой,
наши глаза подберут
и будут играть
голубыми снежками и прочими

когда мы утонем в холоде,
широкую белую спину
ледового демона
в сизых мурашках
увидим впервые воочию

и разные стили мы изберем, утопая,
но выплыть не сможем
из сизого пара,
холодильником нашего мозга рожденного,
из сизого пара,
на лес гипербореев похожего

все более безразлично
взирая на теплые руки
и тихие звуки
дыхания светлого,
будем с трудом различать мы тепло
в окружающих лицах,
скользя по лете́йской воде
безразличья

бутоны невыпавших градин
друг другу даря,
мы будем на пляжах лежать Января,
там, где граничат моря Позавчера
и снежных песков меловые поля

богиней Фригидой мы будем наказаны,
только поскольку
мы часть своей жизни
прошли по дороге тепла,
но с холодом взглядов и губ удалимся
в страну, где всегда неподвижны все лица,
в страну безмятежную
Позавчера

все боги отпрянут
от наших холодных сердец,

растирая спиртом
побелевшие пальцы
у люка в страну мерзлоты
в поблекшем от осени городе,
где вышедшие случайно наружу
женщины-сосульки
тают и оставляют мокрый след,
заканчивающийся полувывсохшим пятном

когда ты утонешь в холоде,
приходи ко мне по адресу
Большакова 101, кв. 74,
ибо у меня есть большой холодильник,
в котором мы сможем поддержать
свое существование
между банкой с селедкой
и огурцами
в волшебной стране Позавчера,
отделенной от Завтра
металлической дверцей

приходи,
приходи в Позавчера,
принося замерзшее сердце

«Земля зимой – огромный белый заяц...»

Земля зимой – огромный белый заяц,
прядающий полосками ушей;
он в собственном дыханье замерзает,
выкусывая звезды, словно вшей.
Земля зимой – принцесса в горностах,
с румянцем на обветренных щеках.
Она щетиной льдинок обрастает,
Сухие листья вновь перелистав.

Но кроме белых – разных красок
полно... Смотри! вот янтари –
пролитым у забора квасом –
собачьей капелькой мочи.
И канарейкой яркой – лыжный след
срывается с горы, перекрывая
отсветов розовых уютный свет
и кружево кусков коры кровавой.

И на Земли ребристом крае
краснеют два обломка льда:
как будто бы огромный заяц ранен
или принцесса тает со стыда.

«Ты – переписчик мой, небрежною лакуной...»

Ты – переписчик мой, небрежною лакуной
Перекосивший замысел стиха,
Задуманного вечером безлунным,
Когда рука еще была тиха

И не кричала, языком тяжелым,
Перо ворочая с немислимым трудом;
Еще не наполнилось безжизненным рассолом
То, что звала живительным прудом.

Не плавали за льдами роговицы,
Пугая белым брюхом, рыбы дум,
И, черновик открыв с любой страницы,
Найти возможно было страсть и ум.

Перепиши! Иль перепишем вместе?
Дай строй строкам могуществом души!
Я знаю: ошибешься в том же месте...
На всякий случай все ж – перепиши!

Прикосновение к запястью

Прослушивает скорбный доктор пульс.
Он собирает в скляночку удары:
В азарте собирателя такого раритета,
Как человеческой души ударные моменты,
Он забывает о синеющем больном.

Не так ли, наслаждаясь пониманьем,
Приговорил к агонии пожизненной
Раскованную душу,
Открывшую тебя
Как новый континент?

Твое нежное отчаяние,
Награжденное орденом Великого Ничто,
Перерастает в бутафорию непризнания –
И так понятно всем, что ты не понят –
Что нечего и понимать в тебе.

Не недооценивай до времени
Насильное объединение беглых каторжников
в пустыне,
Сбежавших глазами из тьмы,
Ушами из пространного молчания,
Обонянием из букета вакуума,
Осязанием из приспособленности к объятиям,
Всей душой – от снега, растертого с клубникой
неона.

Вырастут корни у зуба твоей мудрости
в чужой челюсти:
Дай только время –
Пусть пока связывает нечто,
Уподобленное общей колодке:
Спекуляция провалами ночей
Или общий смех.
Закладывай быков, Дидона!
Ибо земля исполнена благостыни.
Режь бычьей шкуру на полоски!
Без геометрической хитрости
Не вместить в одно место этого мира
Двоих.

Эй, эй, эй! Спешу по адресу:
Направляю тебя стрелой из могучего лука,
Пробивающего тоннели надежды.

Меняй номера на машинах,
Знакомься с кюветами в поисках незастолбленной
Бонанцы:
Там (если верить слухам и мне)
Обнаженная Душа засмотрелась
В маленькое чистое зеркальце
Среди хищного ожидания болота.
Столкнешь ее пинком в затылок
Или заботливо унесешь от опасного места,
Сентиментально воркуя...
...К другому болоту?

Эй, эй, эй! Спешу по адресу,
Маленькая красная скорая помощь
С крыльями Эроса.
Прикоснись к запястью,
Слушай пульс, не любуясь,
Заботливо считай

Взрывник у бикфорда катарсиса.

Засохшие деревья январских ночей

Сухое дерево любви ждет молнии небес,
Чтоб полыхнуть огнем. И Феникс гнезда вьет
В его колючей кроне.

Ждет королей семи частей души,
Ждет в полночи
Терновая корона.

Ждет там и здесь: источник улиц сих
Струит девичий смех, и лани изваяний –
Суть пальцы на руках податливых желаний,
Что эту влагу пьют, бременея в них.

Весь город в Вашей диспозиции, о маршал!
Вы, одержавший столько поражений,
Мозг венценосный, воинство страстей.

Белеет на карнизах хлад костей,
Скелет зимы, сосулек стылых ребра,
О маршал, просто был ты слишком добрым:
Переходя Березину огней,
Закутался в свой плащ экс-император Сердце.

Война теней неистребимых дней,
Огонь, угасший в очаге ладоней.

Мы умираем на невидимых фронтах,
Но наши трупы продолжают бой;
Хоть опалили плоти лоскуты, как листья,
Но остов в шторме музыки чернел.

Засохший лес героев юности моей
В натеках красной камеди застыл.
Он обернулся на прощанье, и –
У Моря Мертвого стал солью опьянения.

О, не будите спящий лес богов,
Друиды с ледяными бородами,
Ночных машин безвольные скитанья
И дьяволы разбойницы Луны.

Лес видит истинной любви благие сны,
И комли, заграждая автострады,
Не ждут из рук весны листвы награды,
А ждут гнилых клыков во рту огня.

Окаменелый лес чувств юноши
Под спудом
Миллионолетий –
Черный антрацит.

«Лето набирает номер 03...»

лето набирает номер 03,
глотаёт барбитураты,
умирает некрасиво,
в долгих конвульсиях.

осень с красным крестом
освидетельствовала труп,
обмыла его дождями
и похоронила под снегом

и только весна
написала проталинами
имя и даты рожденья и смерти
на белой доске снеговой

и, пока лето оживало,
окончив комедию ежегодных похорон,
тальник начал безразлично причёсывать волосы,
зелёные волосы над ртутной рекой

и гибкие его прутья выпороли воздух,
чтобы он закричал птичьим криком
от зелёной боли сокодвижения

Физиология звукозаписи (1980–1991)

«Я не знаю, где была эта улица...»

Я не знаю, где была эта улица,
Я не знаю, где был этот дом,
Я не знаю даже, что происходило в нем.
Люди выходили и падали, волосы на себе рвали,
Одни говорили: «Мы увидели»,
Другие говорили: «Мы узнали».
Я вижу, как сгущается воздух за моей спиной,
Тысячи рук толкают меня в неизбежное,
Но я не хочу.
Я видел людей неглупых и видел совсем дураков,
Но и те другие не могли связать пары слов
Никто не мог объяснить мне, на что это
было похоже,
Одни говорили: «Это день гнева!»
Другие: «Это бич божий!»
Я хотел покинуть очередь, я хотел бежать,
Но верзила с лицом убийцы сказал:
«Ты должен узнать.
Эй, успокойся, парень, у тебя сдают нервы,
Не ты последний, не ты и первый».

1980

Движение к оцепенению

Ты очень доволен и скорбью, и болью,
Иного не ждал и в другое не верил.
Конец неизбежен, осталось мгновение,
Ты смотришь на стрелки, ты смотришь на двери.

И тут все приходит в движение –
В движение к оцепенению.

Твой жалкий рассудок приходит в упадок,
Прносятся штормы без звука и формы.
Все, как ожидалось, к чему удивление?
И в черном костюме пришел День Рождения.

И тут завершилось движение –
Движение к оцепенению.

Открылись глаза, и раздвинулось небо,
И в небо глазницы уставились слепо:
Ты смотришь на сцену, на ней представление,
Что, может быть, станет твоим Днем Рождения.

И ты испытываешь сомнение
В движении к оцепенению!

1980

Пожиратель

Пожиратель всех страстей, скорбей и суеты,
Ждущий за столом приправ к еде, – это ты.
Суетятся рядом люди, каждый с радостью несет
Даже голову на блюде, если блажь к тебе придет.

За столом судьбы сидишь уже много лет,
Поглощаешь ты за годом год свой обед.
Суетятся рядом люди, каждый с радостью несет
Даже голову на блюде, если блажь к тебе придет.

Горами объедков стол покрыт,
Разбежались слуги, кончен пир;
Воздух был наполнен злом,
Ты знал, ты знал, ты знал.
Пир был очень долгим – ты устал.
Должен наступить конец.

В пустоту звучит твоя застольная речь,
Не приходит тот, кто мог тебя уберечь.
Робок ангел твой хранитель – и боится, и дрожит,
Если черная ворона путь ему перелетит.

В дверь стучатся трое, сбит запор,
Принесли носилки и топор;
Воздух был наполнен злом,
Ты знал, ты знал, ты знал.
Пир был очень долгим – ты устал.
Должен наступить конец.

1980

Путешествие

Я умер, все в порядке: в карманах пропуска,
Подписаны все справки, печати в паспортах.
На реактивном лифте в неоновых огнях
Несемся в преисподнюю на суперскоростях.

Реклама бьет как выстрел, соблазнов здесь полно,
В ушах орет «Sex Pistols», мелькает секс-кино.
Я сразу испугался и растерялся вмиг:
За жизнь когтями драться я, право, не привык!

Улыбчивые черти сказали мне в аду,
Что я не так воспитан, что им не подойду.

«Ты очень честный парень; конечно, выбирай,
Но если откровенно – иди ты к богу в рай!»

Я умер, все в порядке: в карманах пропуска,
Подписаны все справки, печати в паспортах.
На белом дирижабле, похожем на свинью,
Легко раздвинув тучи, мы вылезли в раю.

Нас приняли в объятья, и все кричат «ура!»,
Кругом висят плакаты за образцовый рай.
У всех на лицах радость, я был доволен всем,
Но строить вместе с ними я просто не умел.

Вдруг какой-то ангел мне крикнул на лету,
Что я испорчен адом, что им не подойду.

«Ты очень странный парень, плакатам ты не рад;
Мы с транспортом уладим – давай обратно в ад!»

Я кончил путешествие ударом в землю лбом,
Из головы все вышибло, не помню ничего.
В глазах опушка леса, в ушах шумит листва,
Стоит избушка рядом, вдали течет река.
Достал я из кармана все справки, паспорта,
Я изорвал их в клочья и в землю закопал.

1980

Шумящий мир

Этот шумящий мир безмолвен и пуст,
Как высохший куст.
Куст урожай принесет – один только плод,
Плод моих чувств.

Здесь растут странные растения –
Не дают совершенно тени.

Я по шипам иду, ругая жару;
Лучше б я снова попал туда, где я был –
В безумном аду, в бездумном раю.

Здесь живут странные создания –
Лишены чувства осязания.

Их рассудок подчинен другим законам,
Потому что боль их коже незнакома,
И жестокость их обычно мне известна,
Я себя бы так же вел на их месте.

Этот шумящий мир мне чем-то знаком,
Я раньше был в нем в обличье ином,
И я на него смотрел с другой стороны
Холодной луны.

Взгляд вперед взглядом был назад –
Вывернул наизнанку взгляд.

И по замкнутому кругу неизбежно
Новый взгляд находит то же, что и прежде.
Постоянство превращений без возврата –
Свойство мира или, может, свойство взгляда?

1980

Последний день воды

Дождь прошел, и улицы пусты,
Но остались улицы сухими.
Это был последний день воды –
Первый день расплавленной пустыни.

И я в пустыне в городе большом,
И в виде миражей остались лужи,
Змеино-желтые глаза песка
Сквозь эфемерность луж глядят наружу.

Все это значит лишь одно:
Что скоро кончиться должно
Все.

А город весь – песочные часы:
Песок пересыпаться будет вечно.
И я бы вечно ждать хотел воды,
Но вечность – это просто бесконечно.

1980

Кукла

Любви мне живой не надо,
Хватит терзать себя.
Мне надо простую куклу
Серийного образца.

Одежда была бы сшита
Модно, и был бы вкус.
Глаза раскрашены ярко,
Без голоса обойдусь.

– Девочка, где твой бантик?
Я видел в тебе всегда,
Когда сдирала джинсовый фантик,
Колеса и провода.

Но дальше под проводами
Кукла была живой.
Подсунули эту куклу
С фабричным дефектом – душой.

Все это открылось позже.
Подлый торгаш продал
Эту ненужную роскошь,
Чтобы я психом стал.

1980

Живые и мертвые

Здесь странствию конец приходит у таблички,
«Конец Вселенной» гравировано на ней.
Табличка та прикована к калитке,
Досажен скрип несмазанных петель.

Не в полночь во тьме суровой,
А утром в похмелье сердец
У этой зеркальной калитки
Живого встречает мертвец.

В зеркальном дереве оскал холодной маски,
И в нем смирение, неподвижность, пустота
Искажены черты пророческим гротеском –
Дурное фото твоего лица

Все меньше и меньше разница,
Вот копией стал образец.
Под звон разбитого зеркала
Живого хоронит мертвец.

1980

451 °F

Пока ты куда неизвестно ходил,
Потушен, погашен твой юношеский пыл
пожарной командой.
Ты не знаешь ли, кто эти люди
В касках и в масках,
С лицами честных героев,
Нечувствительных к боли?

На всякий пожарный случай...

Отвечу я сам за тебя на вопрос:
Когда бы и как бы тебе ни пришлось
С пути отступить,
Ты увидишь сам, что эти люди
Курс твой исправят
И смело растащат баграми
Твой загоревшийся череп.

На всякий пожарный случай...

Не делай того, что не делал никто!
Кто может представить последствия?
А если нарушится равновесие
Между горящим тобой
И окружающей холодной средой?
Пожарники созданы для того,
Чтобы следить за порядком,
А значит, и за мной...
Уж не думаешь ли ты, что это
Возмутительная оплошность?
Это просто... предосторожность!

На всякий пожарный случай...

1981

Мир на стене

Настало пять часов.
Куда ты так спешишь?
Спешишь домой прийти
И шторы опустить.

В бумажный мир войти
Плакатов на стене
И там скорей забыть,
Что зря весь день прожит.

Между двух стен
Мечется взгляд
И оживляет
Каждый плакат.

Каждый плакат
Словно окно.
Смотришь ты жадно
Через стекло.

Песни звучат
Те, что тебе
Помогут попасть
В мир на стене.

Среди плакатов ты
Забудешь то, что дни
Слились в огромный день
С восьми и до пяти.

Каждый плакат
Запечатлел
В мире мечтаний
Высший предел.

И взгляд твой
Как телевизор:
Программы
Разнообразны.

Думать о вечерах
Где-то в Майами-Бич,
Утро на Плас-Конкорд,
Ночь на Сансет-Бульвар.
Заочно!

Ты любишь Гиндзу в ночных огнях,
Ранчо на Йеллоу-Крик,
Мартини в Сан-Тропе,
Звуки Карнеги-Холл.
Hi-Fi!

В мыслях этих
Все желанья
Темных уголков
Сознания разом
Ты исполнишь,
Потому что
В самодельном
Мире все легко.

Я уверен,
Ты не стал бы
Лезть в те джунгли,
Если б знал их.

И не стал бы
Слушать эти песни,
Если б
Их перевели тебе.

1981

Лишняя деталь

В тесном коконе лежу:
Датчик – в нос,
Трубка – в рот.
Через трубки ем и пью
И наоборот...
На экранах все мерцает,
Все живет и дышит без меня.
Трудно осознать, зачем нужен здесь я...

По внутренней связи разносится голос:
– Слушаю вас, командир!
– Это центральный полетный компьютер?
– Да, это я, командир.
– Могу ли я взять на себя управление?
– Это запрещено!
– В чем же причина, скажи мне, машина?
– Ты подвержен ошибкам, ты слаб.
– Я не согласен с таким положением...
– Желаешь играть ты главную роль?
– Я только аппендикс – ненужный придаток...
– ...к системе, над которой потерял ты контроль!

Трудно осознать, зачем нужен здесь я...

1981

Человек наподобие ветра

Капканы обманов, ловушки соблазнов
Все ставят и ставят – напрасно, напрасно.
Ты видишь насквозь уловки и петли,
Через них пролетая наподобие ветра.

Ты уносишься прочь, как июльская ночь.

На танце, на звуке, на лунном луче –
На чем угодно гарцуешь ты ловко.
Делается очередной поворот,
Рушится очередная уловка.

Танцуя в пыли и в поту душной ночи,
Чего же, чего же, чего же ты хочешь?
Нелепый вопрос. Не дашь ты ответа,
Через сон пролетая наподобие ветра.

Ты уносишься прочь, как июльская ночь.

С такой же, как сам ты, на крае стены...
Всего сантиметр от гибели верной...
Ты даже об этом не думал, наверное?
Ты, человек наподобие ветра?

1981

Homo Superior

В черной коже, спокойной походкой,
Не глядя по сторонам,
Ступая уверенно через Вселенную,
Он приближается к нам.

Словно колодец с водою холодной
Взгляд его глаз стальной.
Словно урчание преисподней
Голос его ледяной.

Homo Super... Homo Superior!

Ты не можешь промолвить ни слова,
И голос как будто бы сел.
Сегодня, к стыду своему, ты увидел
Ничтожество собственных дел.

Как деревья с корой вековой
Эти пальцы могучих рук,
Жилы тугие на пепельной коже,
Словно натянутый лук.

Homo Super... Homo Superior!

1981

Призрачный гость

Мокрый асфальт,
Меркнувший свет фонарей.
Я бы хотел
Добраться домой поскорей,
Но я боюсь, что мне не дойти.
Я собьюсь нарочно с пути
В мой дом.
Растворюсь, как соль в воде,
И растаю, как снег в руке,
Во тьме.
Город ночной
Вместе со мной недвижим.
Замерли мы на полпути
Вместе с ним.
Может, сейчас, словно в дурном сне,
Странные в ночь крикнут слова мне:

– Что ты стоишь? Поспеш! Робкий...
– Зря ты дрожишь – не свернешь с тропки!
– Как ни плутай, ты придешь к дому:
Третий подъезд, седьмой этаж...
– Словно в пустоту, в комнату свою
Войдешь ты призрачным гостем!

Призрачный гость в доме моем – это я...

1981

МЫШЬ

Мне снится сон:
Я серое надел пальто,
Но снять не смог –
Приросло ко мне оно.

– Так и должно быть! Так!
Ты под наркозом спишь
И превращаешься – в мышь!
В серую-серую мышь!

Открыв глаза, я понял,
Что мышью стал, но поздно.
Открыл я рот, но чудо –
Лишь громко запищал:

«За что? Зачем?
Что я такого натворил?
Я тихо жил
И лишнего не говорил».

– Так и должно быть! Так!
Ты был во сне, дурак!
Ты превратился в мышь! В мышь!

Ни за что! Просто так!
Просто ты подвернулся под руку.
Молчи, дурак!
Твой пример обогатит науку.

Нужен эксперимент.
Мы должны знать все на свете:
Почему идет дождь
И отчего рождаются дети.

Любой ценой!

1981

Актер в черно-белой ленте

Был вечером ветер и яростный дождь.
На мокрую тряпку весь город похож.
Прошедшая ночь превращается в ложь,
И утро лежит, как заточенный нож.

Серое небо висит над душой.
Скрип тормозов над сырой мостовой.
Холодно в комнате – ты не встаешь,
И утро лежит, как заточенный нож.

Серое небо и серая грязь –
Серых предметов взаимосвязь.
Я вижу кругом только серую грязь!

Увидишь ты синего неба куски
Над макушкой своей, и встаешь на носки,
И тянешься пальцами к облакам...
Вдруг больно бьют тебя по рукам!

– Выкинь глупые мечты, вернись на землю,
Вспомни, что ты говорил вчера при встрече.
Вспомни, как ты подписал одну бумагу.
Ну что, вспомнил?

– Я все забыл,
Верните солнечный свет!

– Нет!
Это декорация к другому фильму:
Это декорация к цветному фильму,
А ты – актер в черно-белой ленте.
Ну что – вспомнил?

– Я помню все,
Но я вижу солнечный свет!

1981

Ты слишком неподвижен

Лень было блуждать в лабиринте страстей,
В себе нерешимость убить.
Ты ждешь человека, который придет
И укажет, кого любить.

Ты мышцы напряг и окостенел,
Ты в стартовой стойке стоишь.
Достанет он стартовый пистолет,
Выстрел – и ты побежишь.

Взаимосвязи сплелись и слились:
Ты муху боишься обидеть.
Ты ждешь человека, который придет
И укажет, кого ненавидеть.

А он все не шел, не хотел иль не мог,
И был его путь, видно, долог.
И ты неприятно был удивлен,
Когда прочитал свой некролог.

Как в зубной кабинет,
Ты простоял много лет,
Глотая слюну и дрожа.
И мессия твой
Не заметил тебя:
Ты слишком уж был неподвижен.

Теперь же ты ждешь, чтоб явился к тебе,
Броню твоих стен сокрушив,
Хотя б человек, который пришел
И сказал бы тебе, что ты жив!

1981

Пропасьть

– Если
Заглянул ты
В эту пропасьть,
Скажи мне, голова не кружилась?
Был ли света луч в глубине?
Разглядел ты хоть самую малость?

– Я видел город и водопад.
Водопад гремел, как сотня орудий.
Я видел дно ущелья веков,
И я узнал – нас там не будет!

– Если
Заглянул ты
В эту пропасьть,
Скажи мне, может, все-таки есть надежда?
Был ли проблеск дня в темноте?
Разглядел ты, как восход забрезжил?

– Все было словно в полутьме,
И я смотрел лишь миг – боялся сорваться.
Только одно было ясно мне,
Только одно – туда не добраться!

– Ясновидящий, это ложь!
Мы жили, и живы, и будем жить вечно!
Младенцу понятно, что ты лжешь,
И ложь твоя так бесчеловечна!
Зачем же руку мою берешь?

– Чтоб подвести тебя к краю ущелья:

ВЗГЛЯНИ САМ!

1981

Тупик

То этим, то тем,
То чем-то, то всем
Помог с превеликою выгодой.
Но эти и те
Зажали тебя в тупике.
Не видно, приятель, выхода,
Ни просвета в стене,
И конец твой уж близится.

Ты метнулся ко мне,
Обещая унизиться,
Потому что у меня
Ключ от дверцы тупика.

Не открою я дверь.
Мне не очень-то верится,
Хоть я слышу, поверь,
Не могу я довериться.

Если выйдешь ты за дверь,
Без сомнения,
Ни за грош меня продашь –
Без промедления!

1981

Автомобиль без управления

Ты привела меня к себе домой
Какой-то субботней ночью.
Там был беспорядок-кавардак,
Но мне это нравилось, впрочем.

Свет потушив, ты музыку включила,
Что-то тяжелое.
Точно вспомнить, что же это было,
К сожаленью, я не могу.

Может, это было «Lady Double Dealer»,
Может, это было «Lady Luck».

До блаженства оставалось едва,
До покоя оставалось немного.

Но дорога слишком гладкой была,
А я не верю гладкой дороге.
Пора свернуть на другой путь,
Пора свернуть на другой путь!

/ Автострада любви
Не может быть бесконечной.
Наша связь слишком долго тянется,
Чтобы я оставался беспечен.

Вельвет и бархат скрывают наждак
Твоих постоянных прихотей.
Пора нам свернуть на другую дорогу –
Не вижу иного я выхода. /

Я не могу отключить зажигание
У моего желания.
Я не могу найти педаль сцепления
У моего стремления.
Моя любовь – автомобиль без управления.
Пол согрет был нашими ногами,
Мокрыми после душа.
Тело было сковано истомой,
А душа рвалась наружу.

Может, ты была той «Lady Double Dealer»,
Может, ты была той «Lady Luck».

1981

Размышления компьютера о любви

Дорожный знак сказал мне: «Стоянки нет!»
В гостинице табличка – «Свободных мест нет»!
Но твое лицо сказало: «Свободно»!
А твои глаза сказали: «Лови момент»!

Хочу проникнуть на кухню твоей души,
Хочу приютиться в прихожей твоей мечты,
Найти уголок в гостиной твоей любви.

/ Я хочу, но хочешь ли этого ты? /

Пустынная улица,
Сотни неверных теней за спиной.
И каждая тень – еще один день,
В одиночестве прожитый мной.

Хочу захлопнуть у них перед носом дверь,
Хочу отгородиться от них стеной,
Хочу проникнуть на кухню твоей души,
Хочу приютиться в прихожей твоей мечты,
Найти уголок в гостиной твоей любви.

Я в игру твою согласился играть
И решил притвориться, будто бы нет:
Грязной посуды на кухне твоей души,
Чужих ботинок в прихожей твоей мечты
И новой тени за моей спиной.

/ Я не хочу, но не хочешь ли ты? /

1981

Другая сторона холма

Эй вы, там,
На другой стороне холма!
Как вы там,
На другой стороне холма?
Я кричу, словно камни, кидая слова.
Знаю я, что мне не докричаться
До другой стороны холма.

Хлебное поле затянул плевел,
Жаркое пламя гасит ветер,
Раковая опухоль меня встретит
На другой стороне холма.
Коварный разум возводит стены,
На тело и дух установлены цены,
Холодный приказ и насилия сцены
На другой стороне холма.

Час наслажденья за годы мученья,
Замысел грязный и осуществленье –
Лишь огненный дождь принесет очищенье
Другой стороне холма.

*/ Там только думают, что существуют
Там улыбаются, но впустую
Улыбки фантомов, живущих на черной
Другой Стороне Холма. /*

Ты все это знаешь, но в чем же причина
Того, что порою тебя беспричинно
Тянет в разверзнутую пучину
Другой стороны холма?

*/ Ты догадался уже, в чем причина
Того, что порою тебя беспричинно
Тянет в разверзнутую пучину
Другой Стороны Холма? /*

*Хотя ты пытаешься остановиться,
Это бессмысленно, ты расщеплен на две частицы:
Через твой разум проникает граница
Между двумя Сторонами Холма. /*

1981

Чего это стоило мне

День,
Уходит снова день,
За ним закрыли дверь
И повернули ключ.

Зря
Ты новых песен ждешь.
С меня хватило той,
Что я спел уже.

Спеть
Эту песню так,
Чтобы спрятать боль, —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

Жить
И улыбкой скрыть
Выражение глаз —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

Ночь,
Приходит снова ночь,
Спокойный звук шагов,
Звук ночных часов.

Зря
Ты новой жизни ждешь.
С меня хватило той,
Которой жил уже.

Спеть
Эту песню так,
Чтобы спрятать боль, —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

1981

Мегаломания

Я совсем не музыкант, но люблю играть на гитаре,
Только громко до сих пор я на ней играть не решался.
Очень долго прятал и скрывал я свой талант,
Но сегодня я решился, громко принялся играть.

Чем играю дольше я, тем я больше сам вырастаю,
И теперь никто уж мне не мешает.
Нет маленькой квартиры, где так было тесно мне;
Вот комната все шире, и я тоже стал большим.
Вдруг совсем исчезли стены, и я стою перед толпой!

Горы цветов, улыбки, взгляды поклонниц,
Крики и репортеров тысячи ждут меня, меня.
Вот я стою на сцене перед огромным залом,
Все восклицают дружно: «Джимми, Джимми, Джимми Пейдж!»
Вот я стою на трапе в белой роскошной шляпе,
Я покидаю город после своих гастролей!

Я так устал, что интервью давать мне лень;
И небрежно всем я махнул рукой своей...
Рядом что-то затрещало, будто выломали дверь.

В комнату вошли соседи, около меня стали кругом;
В комнате один лишь я и ругань.
Там, где простирался и ревел аэродром,
Тетя с толстым задом, дядя – полным животом.

1981

Контакт

Ты взял гитару в робкой попытке установить
контакт;
Что ты нам скажешь: ложь или правду, вымысел
или факт?
Музыка – космос, в котором паришь ты, звуков
чудесный край.
С тем, кто остался в цепях тяготенья, связи
не потеряй.

Я уже устал молчать,
Мне необходим контакт.

Все ли, что нужно тебя посылавшим,
ты разузнать сумел?
Были ли тайны, в которые первым
ты заглянуть посмел?
Понял ли чуждых цивилизаций странных
сигналов суть?
Смог ли решиться бросить им вызов, смог ли
собой рискнуть?

Если безумцы выстроят стену там, где у сцены
край,
Силою звука, магией слова стену скорей сломай!
Зал переполнен, и времени мало, медленно
гаснет свет,
Ключ отыщи к равнодушию зала, каждому
дай ответ.

Мы уже устали ждать,
Нам необходим контакт.

1983

Музей мадам Тюссо

И погасли огни,
И закрылся музей...
Ты остался стоять в темноте
Средь фигур восковых
В гипнотическом сне
Абсолютно один.

Хей! Завороженно взглядишь в шеренги
восковых лиц.
Хей! Мечтал ты, верно, не раз пожить
их жизнью хоть час.

Силой мечты
Наделен нынче ты,
И фигуры под взглядом твоим
Начинают дышать,
Открывают глаза,
С постаментов спускаются вниз.

Хей! Раздался музыки звук, и тотчас все
стали в круг.
Хей! Пустились в пляс, и тогда ты вдруг
услышал слова:

«С нами танцуй!
С нами вместе танцуй!
Вслед за нами все па повторяй!
Этой ночью тебе
Предоставился шанс
Быть хоть в чем-то похожим на нас».

Видишь ты остановившимся взглядом
Бал неживой красоты,
Танец изыскан, манеры изящны,
Но лица партнеров пусты.
Перед возможностью быть рядом с ними
Трудно тебе устоять,
И, подражая движениям кукол,
Начал ты сам танцевать!

*/ Видишь ты остановившимся взглядом
Немало диких сцен:
Девушка в белом проносится рядом,
Похожая на манекен.
Странные люди в причудливых позах*

*Пляшут среди темноты.
И, подражая движениям кукол,
В танец втянулся и ты /*

Хей! Движений автоматизм внедрился
в твой организм.
Хей! Как по свече, вниз течет по телу
восковый пот.

Видишь, как воск
Заливает твой мозг;
Даже сам ты теперь
С ними,
С ними вместе готов
Участь их разделить –
Неподвижно застыть утром.

Утром солнечный свет
Зальет сумрачный зал,
Упадет с твоих глаз пелена,
И, с улыбкой взглянув
На раскрашенный воск,
Ты покинешь музей.

1983

Гнилое золото

Без капли сожаления хочу тебя покинуть я,
Под внешней красотой твоей сумел я разглядеть тебя.
Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

*/ Я на тебя смотрю в ознобе восхищенья,
Я на тебя смотрю в припадке отвращенья.
Я сам пленен тобой, но я борюсь с собой –
Я знаю свет и тьму, я не могу играть с судьбой.
Ты постоянно кровь сосеешь, как клоп или пиявка –
Тебе все мало: неустанно просишь ты прибавки
Считаешь ты, что красота послужит оправданьем
Для твоего нелепого существования.*

*Ты блещешь, словно золотая нить,
Пока ты молода,
Но это золото имеет свойство гнить –
Кому нужно гнилое золото?
Гнилое золото. /*

Ты прятала под красотой тщеславные желания,
Но форма не способна скрыть ничтожность содержания.
Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

Я знать хотел бы имена всех тех, кто научили жить тебя
В разладе между телом и душой.
Я ненавижу тех, кто дал тебе возможность стать такой,
Лишив меня надежды быть с тобой.

Они стремились обладать всегда лишь тем, что блещет;
В тебе хотели видеть только вещь, ты стала вещью.
Читая книгу жизни, ты искала лишь картинки в ней,
С улыбкой томной пропускала текст.
Мечтала ты, что поместят тебя в футляр из бархата,
И Бог не выдаст, а свинья не съест.

*/ Мне жаль того, кто поместит тебя в футляр из бархата.
Мне жаль того, кто просчитается с тобою –
Как черная дыра, ты поглощаешь целый мир,
Ни капли теплоты не выпустишь наружу.*

Читая книгу жизни, ты смотрела лишь картинки,

Ты пропустила текст с улыбкою невинной. /

Как будешь ты удивлена, когда сорвутся планы
И станет вся твоя душа одной открытой раной.
Как будешь ты удивлена, когда сорвутся планы
И станет вся твоя душа одной открытой раной.

*/ Все те, кто покупал твое расположение,
Тебя покинув, испытают только облегченье.
И ты тогда увидишь вдруг ясней и резче:
В тебе привыкли видеть вещь – да ты и была вещью. /*

Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

1983

Соблюдай дистанцию!

из убежища ума, через форточки ресниц
вниз на улицу, где льется через край толпа,
я бросаю просветленный взгляд,
я парю внутри себя –
что мне с ними говорить:
я боюсь себя связать с незнакомым человеком.

ЛУЧШЕ ВЗЯТЬ ЕГО В ПИПЕТКУ
ОСТОРОЖНО КАК МИКРОБА
ПОДНЕСТИ ЕГО НЕБРЕЖНО
К ОБЪЕКТИВУ МИКРОСКОПА

изучение закончу и забуду, кем он был.
недовольны? вряд ли лучше,
чтоб меня он заразил
ожиданьем перемен, неизбежностью разлуки...
я же хрупок, как фарфор –

УБЕРИТЕ ВАШИ РУКИ!!!

из убежища ума, через форточки ресниц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.